

Чебдар. Летопись одного турпохода

Документальная повесть

От автора:

Перед Вами Летопись туристского похода, который в межсезонье 1978 года продлился вместо десяти — двадцать три дня. В походе я вёл дневник простым перечислением фактов. Например, «снежный карниз, Альбаганский перевал, солнечная река Ижима, сбились с тропы» и так далее.

После похода я взял толстую тетрадь и «расшифровал» свои записи, а потом эта тетрадь долгие годы лежала в чемодане, пока вдруг мне пришло решение: взять на себя ответственность и, сохранив подлинные имена и фамилии, эту Летопись опубликовать.

Мне захотелось, чтобы, прочитав её и посмотрев фотографии, посторонний человек почувствовал бы, будто сам там побывал. Насколько мне это удалось — судить Вам.

Ещё мне, конечно, хотелось бы предостеречь некоторых особо «горячих» начинающих туристов и заставить их вспомнить о такой банальности, как безопасность в походах.

При написании я провозгласил для себя главный принцип: ни в коем случае ничего не придумывать! Вот именно, сохранить до мелочей, всё, как было. Это в полной мере касается и заставки, когда мы нашли записку на перевале.

Возможно, первая половина Летописи покажется Вам скучной, неинтересной, с лишними деталями, но именно здесь исподволь, постепенно готовилось то, что произошло позднее, когда наложились и отсутствие точной карты, и ошибки ориентирования, и неправильная раскладка продуктов, и сильнейшее хроническое недосыпание, и погода да и элементарное невезение.

Разумеется, моя повесть главным образом будет интересна тем, для кого описанные обстоятельства не просто сюжет, а знакомая по собственному опыту ситуация, пусть даже не столь трагичная.

Слегка перефразировав слова одного из моих читателей, повторяю: «Горы нужно любить, чтобы туда ходить, и горы нужно уважать, чтобы оттуда приходиться».

Итак, в путь.

Пролог

16 июля 1985 года.

Всю ночь в горах бушевал дождь. Такой сильный, что несмотря на подстеленный под палатку полиэтилен и натянутый сверху тент, всё промокло. Мы стоим в самых верховьях горной реки Енгожок недалеко от границы леса на высоте немногим более полутора тысяч метров над уровнем моря. Восточный Алтай...

В сыром спальнике становится неудобно, и я вылезаю из палатки до подъёма дежурных. В лицо мягко ударяет ни с чем не сравнимая прекрасная свежесть раннего таёжного утра. На небе — ни единого облачка. Довольно прохладно.

Это место мы иногда называем стоянкой у «кедрового камня». В самом деле, в здоровенных разлапистых корнях могучего кедра невероятным образом разместился камень величиной с приличный сарай, весь покрытый разноцветными лишайниками.

Вокруг камня под кроной таёжного красавца приютились четыре маленьких палатки. В каждой — по три человека.

Ломаю сухие ветки от кедра, разжигаю костёр. Подвешиваю котелки и вспоминаю, что где-то здесь мы ночевали с Филипповым. Тогда мы не смогли пройти верховья Енгожока из-за белой мглы. Было это 11 мая 1978 года.

...

Андрей Изотов на страховке подходит к краю снежного карниза, но белая мгла не даёт ничего разглядеть. Проходим вдоль обрыва вперёд и назад, такое впечатление, что обрыву конца-края нет. Ничего не остаётся, как вернуться к месту обеда и вставать на ночёвку...

...

Встряхиваюсь от воспоминаний и смотрю на часы. Пора будить дежурных...

Я старший инструктор по туризму спортивного лагеря НЭТИ «Эрлагол». В мои обязанности входит организация работы инструкторов, их стажировка. Кроме того, подготовка, проведение и обеспечение техники безопасности туристических путешествий. В этом походе я руковожу группой в двенадцать человек, включая четырёх стажёров...

Накинув рюкзаки, мы отправляемся вверх по тропе слева от реки. Этот верхний приток Енгожока на карте называется Мойноскон. Кроме него есть безымянный приток, ведущий на перевал Сайгонош. По нему мы должны были проходить в том походе с Филипповым, но проскочили мимо...

Добираемся до границы леса, и тут мне в голову приходит мысль идти не по стандартному маршруту через верхний левый приточек и седловину, а в лоб, примерно туда, где в мае 1978 года висел снежный карниз. Стажёры глядят на меня непонимающими глазами. Объясняю: если там непроход — обойдём верхами, ну, то есть, исследуем иной путь.

Вот мы и наверху. Перед нами очень крутой, но недлинный спуск в один из истоков Малой Сумульты — реку Ижиму.

Но что это? Откуда здесь мог взяться тур?

Самый младший из стажёров веснушчатый пятнадцатилетний Димка Осипов достаёт из тура записку и, совершенно по-взрослому нахмутив брови, начинает читать её вслух. От неожиданности кровь ударяет мне в голову. Отнимаю у Димки записку и читаю сам.

На размокшем, разваливающемся клочке бумаги, пролежавшем на хребте почти два года в консервной банке среди камней, с трудом различаю текст.

Дорогие друзья!
Этот тур сложен в честь
одного из старейших туристов г. Новосибирска
Александра Михайловича Филиппова,
трагически погибшего летом 1983 г.
Этот человек впервые открыл нам
всю прелесть природы Восточного Алтая.
Пусть перевал этот носит имя
замечательного человека.
Мы ученики А. М. Филиппова
просим всех туристов,
проходящих через перевал
положить свой камень в этот тур!
24 августа 1983 г.
Если можно, то сохраните эту записку.
Подпись неразборчиво.

Вспоминается... В январе 1983 года, капитально простыв, я не пошёл с Филипповым в лыжную «четвёрку» на Восточный Саян. За минуту до отхода поезда он, похлопав меня по плечу, проговорил:

— Ну, ничего, мы с тобой ещё сходим...

Месяца через два мы встретились на проспекте Дзержинского. Прищурив левый глаз, Александр Михайлович, сообщил:

— Слушай, у меня был Чувахин и просил, чтобы ты срочно вернул штормовку, ему её сдавать надо.

Эта встреча оказалось последней...

В июле 1983 участники предстоящей пешей «тройки» собрались в общаге Сибирского НИИ авиации, в комнате у Ольги Хлебородовой, и руководитель — сорокавосемилетний сухой и жилистый Геннадий Алексеевич Злобин сообщил, что самая дальняя точка нашего маршрута — Уйменские озёра. Я сказал, что там однажды уже проходил с Филипповым. Гена, рассеянно взглянув в окно, промолвил:

— Филиппов... Да-да, вот вчера похоронили...

— ...??!

— А ты не знал? — спросил Геннадий Алексеевич. Я молчал минуты две, пока Ольга не сказала:

— Ну, ты не очень-то расстраивайся ... перед походом.

Закончился эрлагольский сезон 1985 года. Вернувшись в Новосибирск, я отнёс подсушенную записку из тура* вдове Филиппова. Много разговаривали об Александре Михайловиче. Выслушал историю его неожиданной и загадочной смерти.

Михалыч будто что-то предвидел, но никому не говорил, всячески скрывая своё волнение. Зная Филиппова достаточно хорошо, версию о самоубийстве лично я отвергаю.

Потом у себя в общежитии, я долго рассматривал фотографии и дневники, вспомнив совет своей школьной учительницы, которой подробно рассказывал о том походе.

— Ты это приведи в порядок и сохрани, — порекомендовала Любовь Александровна, — пусть это будут «Походные заметки».

Здесь ничего не придумано. К моим девятнадцати годам — это четвёртое серьёзное путешествие по горам.

Позади — альплагерь «Талгар» на Заилийском Алатау с его ледниками, трещинами, вершинами, стенами, ледовым глиссированием на крутом склоне и спасательными работами. Потом в ноябре 1977 года — Каракольские и Буюкские озёра на Восточном Алтае с пожаром в палатке, когда я едва не задохнулся. Затем последовал январский поход под Белуху на Центральном Алтае в сорокашестиградусный мороз с ветром.

Но таких вот приключений у меня ещё не было.

Поход

6 мая 1978 года.

Покинув пыльный Бийск, к вечеру мы доехали на автобусе до села Чемал. Завтра выходим на маршрут. Во время почти часовой стоянки автобуса в Горно—Алтайске посетили контрольно—спасательную службу. Наш выход был зарегистрирован весьма неохотно. Бородатый «каэсэшник» Сухов вяло разъяснял, что нынешнее межсезонье выдалось сложное, непогодное, и среди туристов в районе уже есть два трупа. Однако желанная отметка в маршрутной книжке была всё—таки получена, и мы отправились дальше.

В Чемале купили хлеб для первого дня похода. Прошли семь километров до горно—спортивного лагеря НЭТИ «Эрлагол».

Лагерь раскинулся на обширной живописной поляне около впадения Кубы в приток Катуня — реку Чемал. Сквозь сумерки на противоположной стороне Чемала просматриваются массивные скалы. Удивительно свежий воздух, напоенный ароматом весенних трав — дышится легко и радостно.

Здесь летом мы будем работать инструкторами. А сейчас нам предстоит главная часть инструкторского туристского семинара — пеший поход через Сумультинский хребет до Телецкого озера. Затем останутся экзамены и стажировка.

Нас семнадцать человек. Руководитель — кандидат в мастера спорта Александр Михайлович Филиппов. Отряд разбит на две группы со стажёрами во главе каждой: Александром Аляевым и Михаилом Мельниковым.

Первая группа: Михаил Мельников, Владимир Коботов, Сергей Дерябин, Сергей Ульянов, Андрей Ефименко, Вера Хвоина, Алексей Шуркевич, Евгений Беляев и Борис Скворцов — автор этой летописи. С нами же Михалыч.

Вторая группа: Александр Аляев, Андрей Изотов, Светлана Курбакова, Елена Шibaева, Владимир Жутяйкин, Ольга Черноверская и Виктор Новиков.

...Темно. Костёр освещает лица ребят, многие из которых мне пока незнакомы. Некоторые участники присоединились к группам в последний момент.

Все примерно одного возраста: от семнадцати до двадцати одного года, кроме Филиппова. Ему, наверно, около сорока, он невысок ростом, но коренаст, широкой кости, на голове обширные залысины. С ним я ходил в ноябре в лыжную «единичку». Александр Михайлович ещё и кандидат в мастера спорта по классической борьбе, преподаватель спорткафедры НЭТИ. Мужик весёлый, постоянно шутит.

Вместе с Андреем Изотовым, Леной и Светой прошлой зимой мы дважды ходили в походы. Андрей — четверокурсник, мужественное, слегка тронутое оспинками, лицо. Он играет на гитаре, немного подражая Высоцкому. Лена — очень спортивная девушка, это она меня затащила в зимние турпоходы, заинтересовавшись альпинизмом, которым я к тому времени увлёкся. И, кстати, почувствовала себя в первом походе более уверенно, чем я. Света повыше ростом, немного нескладная, менее спортивная, но старательная.

Трудно, наверное, понять, зачем мы вновь отправляемся в путешествие по горам, не сходяв, хотя бы раз, самому. Настоящий спортивный туризм — это сильное, радостное ощущение жизни. К тому же нас ведёт опытейший турист...

7 мая 1978 года.

Выспавшись и плотно позавтракав, мы двинулись по лесовозной дороге вдоль Кубы вверх по течению. Жара. Первым раздевается до трусов Мельников. Следом и остальные постепенно снимают с себя почти всю одежду.

— Интересно, а мы увидим в этом походе снег? — спрашивает меня невысокий, но коренастый Женья Беляев, который идёт в горы первый раз. Вспомнив прошлое лето на Тянь—Шане, наличие снега в горах ему гарантирую.

Обедали на берегу Кубы. Окунувшись в ледяную воду, загорали. К вечеру мы дошли до правого притока — реки Сергезю и остановились на ночёвку. Новички измотаны. С изумлением вижу, что хрупкий Андрюшка Ефименко закурил папиросу. Худой и высокий Шуркевич прилёг, подложив под голову рюкзак, и закрыл глаза. Чёрные, как смоль, усы слегка обвисли, берет на голове залез на нос.

— Клещ!!! — раздаётся чей-то вопль. Все встрепенулись, и осматриваются. Буквально каждый находит впившихся в тело одного или нескольких клещей.

— А у меня нет! — заявляет Ефименко, и тут же я замечаю клеща, впившегося в его макушку.

— А что это у тебя на голове? — спрашиваю я вкрадчивым голосом.

Глаза Андрюшки округляются. Замедленно он дотрагивается до клеща и вздрагивает...

Для меня появление клещей не было новостью. На альпинистских слётах приходилось не раз вытаскивать их как из себя, так и из других. Для большинства же новичков — это неприятное открытие...

Прошли двадцать два километра. Некоторые участники успели набить на подошвах кровавые мозоли. Особенно жаловался Женья Беляев.

Первый день всегда очень тяжёлый: рюкзаки максимально наполнены, а мы ещё не втянуты в нагрузку. Но тот, кто уже ходил в горы, знает это заранее и к такому стрессу готов.

Стоило развести костёр и поужинать, как за круто заваренным чаем все вновь ожили, зазвучала гитара... Затем мы уснули здоровым сном физически уставших людей в объятиях замечательной природы Горного Алтая.

8 мая 1978 года.

Наутро, уже более спокойно сняв с себя по несколько клещей, отправляемся дальше по лесовозной дороге. Через несколько километров, взглянув на карту, Михалыч кричит:

— Эй, впереди! На первом повороте давай направо! — и вскоре мы переходим по мостику на противоположный берег.

В нешироком распадке идёт такая же дорога. Распадок — тенистый, влажный. Путь раздваивается, и Михалыч вновь командует повернуть вправо. Очень скоро, повернув ещё правее и вспугнув неожиданно выскочившего нам навстречу зайчишку, у ручья становимся на обед. Дежурный Серёга Ульянов, которого друзья почему-то зовут Пром, варит, как он выразился, «блевонтин».

— Мы идём в противоположную сторону, точно на 180 градусов! — вдруг слышу я. Это Михалыч и стажёры наклонились над развёрнутой картой:

— Нам нужен Абаш, а это другой приток — Каяс!

— До Абаша ещё пять километров!

— Если мы сейчас перевалим, то попадём на Кубу, ниже по течению!

— Чёрт побери! — резюмирует круглолицый Аляев, — забурились не в ту степь, потеряли полдня.

— Как это? — спрашивает Беляев.

— Как накакал, так и смякал! — моментально объясняет кто-то.

Спустившись тем же путём к Кубе и пройдя вверх по её течению ещё полтора часа, пока не начало смеркаться, встаём на ночёвку.

9 мая 1978 года.

По урочищу Абаш снова идёт лесовозная дорога. Вскоре подъём становится круче, и ещё километров через пять показалась избушка. Жара не спадает, шагаем полураздетые.

Распадок раздваивается. Уходим влево. Затем ещё раз влево. Через километр выходим на пятачок для разворота машин.

Дальше пробираемся без тропы, прямо по кустам, достигающим человеческого роста. На границе воды, где мы устраиваемся на отдых, лежит мокрый, сугробистый снег. По моему предложению обе группы готовят обед на одном костре, а Оля Черновская — скромная, усердная девушка, замечает:

— Видно, что раньше вы уже ходили вместе.

Потом, забравшись по крутому подъёму на гребень, мы увидели, что поднялись не по тому истоку и находимся вообще непонятно где.

— Ну, что, — ничуть не смутившись, говорит Филиппов, — ручей же вон внизу, пошли к нему.

Спуск очень крутой и каменистый, далеко внизу поблескивает, видимо, приток реки Енгожок. Очень осторожно, то и дело падая на пятую точку, более часа спускаемся к реке. Затем по едва заметным тропкам идём правым берегом вверх по течению Енгожока, пока не упираемся в прижим.

Надо переправляться на другую сторону. Около получаса мы рубим мощную сосну, но её уносит потоком, будто щепку.

— Михалыч! Давайте, я перейду с шестом и перетащу верёвку, — предлагаю я, вспомнив прошлогоднюю практику в альплагере «Талгар».

— А у тебя меховые плавки есть? — отвечает вопросом на вопрос Михалыч.

Продолжаю настаивать, и меня поддерживает подошедшая Лена Шибаева.

— А ты за него замуж пойдёшь? — говорит Михалыч, грубо обрывая разговор.

Следующая сосна, немного толще уплывшей, подрублена, накреняется и падает слегка наискосок. Неожиданно у неё налету обламывается макушка. Кто-то крикнул от досады, но дерево всё-таки ложится тонким концом на противоположный берег.

Пром, привязав булинем один конец верёвки к себе, без рюкзака первым идёт по дереву, доходит до середины и, слегка качнувшись, грозит реке пальцем. Далее идёт быстрее, обламывая мешающие ему ветки. На левом берегу Енгожока он привязывает удавкой к старой пихте верёвку, а Филиппов натягивает её с правого берега. Вторым с рюкзаком прохожу я, а последним, снимая перила, — несуетливый Андрей Изотов. Переправившись, мы замечаем на тропе следы какого-то зверя.

— Киска! — мимоходом сообщает Филиппов. Недавно здесь побывала рысь.

Берег Енгожока заросший, тенистый. Утомительная жара постепенно отступает. День идёт к закату, становимся на ночёвку. В честь дня Победы Михалыч достаёт фляжку спирта и... несколько сушёных рыбок. Поужинав, поём костровые песни под гитару. Кстати, из трёх взятых с собой гитар, одну уже успели сломать, когда спускались по камням в Енгожок.

Оказывается, кроме меня с Изотовым, поют под гитару Ульянов, Мельников, Дерябин, Жутяйкин и особенно душевно — Аляев.

10 мая 1978 года.

Спалось на редкость комфортно. Палатки были поставлены на мягкий, ровный ковёр из мха. По соседству одиноко возвышался гигантский камень величиной с трёхэтажный дом. Похоже, до нас здесь никто не ночевал.

Вылезая из спальника, случайно заехал Филиппову локтём по скуле.

— Ой, извините! — воскликнул я.

— Эх, палатку жалко, а то бы сейчас ты у меня выпорхнул отсюда! — великодушно простил Михалыч.

«Это преамбула, а где же амбула?» — вспомнил я Стругацких, вылезая из палатки...

Уходим, оставляя после себя превосходное кострище.

Тропка по Енгожоку очень слабая, часто теряющаяся во мху и в буреломе. Замшелые, глиноватые валёжины — вдоль и поперёк, сверху и снизу. Чтобы обойти забуреломленный участок, довольно высоко поднимаемся по склону. В одном месте приходится использовать скалолазание.

Участок пути, заваленный буреломом, продолжается довольно долго. Нескоро мы спустимся к реке, которую сегодня несколько раз пересечём. Сначала — после обеда, когда увидим на правом берегу тропу, затем — когда подойдём к прижимам.

Солнце уже садится, когда мы приближаемся к мощному левому распадку. Предположительно это и есть тот распадок, поднимаясь по которому, должны выйти на перевал Сайгонош. Но, посомневавшись, руководитель принимает решение идти дальше вверх по Енгожоку. Переправившись вброд на правый берег, останавливаемся на ночлег.

Да, межсезонье — это межсезонье, вода большая. Летом, скорее всего, здесь проходить намного проще. Хотя... Именно при переправе через Енгожок два года назад в двадцатых числах июля, погибло два человека: инструктор «Эрлагора» Владимир Сало и девушка, которую он пытался спасти.

«Вот, что такое таёжная речка! Как в книгах у Григория Федосеева,» — подумал я, засыпая.

11 мая 1978 года.

Проснувшись, сначала решил, что идёт дождь. Но это слегка шумел ветер и пели птицы. Вчера набил приличную мозоль, и теперь пришлось залепить её пластырем. Когда все окончательно расшевелились, то заметили, что стало прохладнее, а кое-где на вершинах лежит снег.

Позавтракав, мы двинулись вверх правым берегом Енгожока и тут же заметили медвежьи следы. Топтыгин идёт где-то впереди нас. Филиппов время от времени смотрит на карту и хмыкает. Дело в том, что приток, ведущий на перевал Сайгонош, мы, по-видимому, уже проскочили.

Пора становиться на обед, и тут Михалыч насмешливо кричит:

— Часа через три будем на Альбагане!

Альбаганский перевал — это перевал с верховьев реки Ложа на реку Ижиму — один из истоков Малой Сумульты. Выходит, сделали лишнюю петлю. Недовольно морщится нетерпеливый Мельников. Оживлённо вскидывает голову Аляев, который годом раньше уже побывал на этом перевале.

Пообедав, почувствовали, что стало ещё прохладнее, неожиданно появляется туман. То тут, то там виднеются островки снега. Идём дальше, туман сгущается. Вот уже идём по снегу. Лена где-то зацепилась за сучок и порвала штормовые брюки. На голом бедре сквозь здоровенную прореху видно глубокую царапину.

— Ну вот, теперь будет шрам через всю ногу, в горах всегда так, — сетует она.

Постепенно туман превращается в белую мглу. Белый снег и белый туман сливаются. Видно лишь несколько человек сзади и столько же спереди. Наступаем на ямки, невидимые глазу, но хорошо ощутимые. Вот что-то просматривается впереди и, как будто, далеко. Делаешь два шага и оказывается, что это — камень, причём совсем рядом.

Теряется ощущение времени и пространства. Кажется, долго ещё движемся по белой мгле, пока не замечаем, а вернее сказать, не ощущаем, что слева от нас — снежный обрыв.

Михалыч достаёт верёвку. Андрей Изотов на страховке подходит к краю, но белая мгла не даёт ничего разглядеть. Мы проходим вдоль карниза вперёд и назад, но такое впечатление, что ему конца-края нет. Приходится вернуться к месту обеда и вставать на ночёвку.

— А вот это уже амбула! — усмехнулся я, вспомнив вчерашнее утро.

— Сурово! — говорит Вера Хвоина — полная, энергичная девушка. С ней мы учимся в одной группе на втором курсе самолётостроительного факультета НЭТИ.

— Не сурово, а хреново! — поправляет Верку Мишка Мельников. — Сроки становятся угрожающими, — добавляет он.

Я с ним полностью согласен, но Филиппов — непререкаемый авторитет, и в случае необходимости сам должен принять решение.

Порошит лёгкий снег. Раскидываем палатки, у нас их три. В Михалычевой перкальке сейчас ночуют четверо: Михалыч, я, Андрей Ефименко и Лёша Шуркевич. Порядком измотавшись, Лёша после ужина сразу заползает в спальник — поскорее на боковую. Михалыч делает на карте красным карандашом пометки, затем, взяв кинокамеру, залезает в палатку перезаряжать плёнку.

«А не пора ли сокращать маршрут?..» — думаю я, но вслух произнести это не решаюсь.

12 мая 1978 года.

Утро доброжелательно солнечное, ясное. Всюду лежит снег, туман рассеялся. Могучие корни кедра завешаны носками дежурных. Прохладно... Мы отправляемся туда, где вчера стояла белая мгла. Добираемся до снежного карниза, подходим к краю.

Вот это да!!!

Мало того, что за ним — обрыв метров двести, ещё и сам-то карниз нависает вперёд метров до десяти!!! И по этому козырьку мы вчера топтались! А каково, если бы он под нами оборвался! А?!! Кто-то ошарашено говорит:

— Ни себе чего!

Оказывается, сами того не ведая, вчера мы подвергались серьёзной опасности.

— Кто ещё не видел перевал Альбаган? — спрашивает Аляев, — Вот он — перевал Альбаган!

Левее и несколько ниже того места, где сейчас стоим — красивая, почти симметрично обрамлённая двумя гольцами, седловина. А мы, как выясняется, в поисках прохода через карниз забрали влево и вверх. Теперь, найдя более или менее подходящее место, с большой осторожностью сходим вниз. Оглядываюсь. Люди — один над другим.

— А ведь вчера мы могли запросто спустить лавину! — констатирует Мельников.

Теперь идём вниз по новой речке, совершенно непохожей на прежнюю.

— Был Енгожок, а теперь Ижима, — произносит Михалыч. Весело журчит вода. Тепло, но на северных склонах лежит снежок.

Идущий первым Мельников потерял тропу, в результате мы выскочили на резкие сбросы высоты слева от основного русла, к тому же ещё и заваленные буреломом.

— Больше ты меня на такие штучки не затащишь! — говорит мне Кадет после того, как мы на тропу выкарабкались. Кадет — это мой однокурсник Витя Новиков, так его прозвали потому, что раньше он учился в суворовском училище.

Между прочим, я его и не затаскивал в поход. Он просто видел, что я хожу в горы и каждый раз возвращаюсь довольный. Но самое главное, ему нравится моя одногруппница Вера Хвоина, вот он и пошёл. А Верку, пожалуй, я действительно затащил, но не силой, а убеждением и личным примером.

Часа через два долина реки расширилась, и на появившейся поляне показались деревянные идолы. Это означает, что мы вышли на плановую тропу всесоюзного туристского маршрута № 77. Предполагается, что дальше пойдём только по ней. Останавливаемся на обед прямо у идолов на готовом кострище.

Во время отдыха я попросил Мишку показать мне на гитаре ля–секст–аккорд.

— Что–что? — переспросил Мельников, — секс–аккорд? — и расхохотался. Оказывается, Света в купальнике полезла на дерево, а Мишка, достав фотоаппарат со словами:

— Вот секс–кадр! — её сфотографировал. А тут я с «секс–аккордом». Верка хохотала так, что только одним этим веселила всех.

После обеда почти сразу приходится переходить вброд ледяную Ижиму. Андрей Изотов переносит девушек на руках. Пройдя примерно километр, мы оказываемся у слияния двух рек.

Самоуверенный Мельников, не вняв моему совету приостановиться и подождать всех, повёл народ по мощной тропе влево. С нами увязался и Кадет, оторвавшийся от своей

группы, а Михалыч в тот момент, наоборот, шёл где-то сзади. Только километра через два Мишка наконец смекнул, что идём неправильно и повернул обратно. Навстречу без рюкзака шла Лена, которую послали за нами. Тем временем остальные налаживали навесную переправу.

— Вроде ведь ясно, — внушает Филиппов, — на карте нужный приток обозначен ровно через километр, а вы куда упиликали?

— И я сдуру за вами ушёл, — подхватывает Кадет.

Переправившись, двинулись по правому берегу Тюрдема. Тропа раздвоилась. Смотрю: участники сначала идут вправо, но, дойдя до скалы, возвращаются и идут левой тропой. «Интересно, что их заставило изменить направление движения?» — любопытствую я и иду вправо.

Приблизившись вплотную к скале, я неожиданно обнаруживаю гладкий прижим, который не позволяет пройти по береговой кромке. Вспомнив прошлогодний альплагерь, лезу по скале, используя при этом очень маленькие зацепочки и уступчики. Так метрах в шести над бурлящей водой, не снимая рюкзака, я проскрёбся по всему прижиму и, вполне довольный собой, догнал Михалыча, который шёл предпоследним передо мной. Группа растянулась, и наш разговор никто не слышал.

— Это как называется? — не оглядываясь, негромко спрашивает Филиппов.

— Осмотрел прижим! — бойко отвечаю я.

Михалыч поворачивается ко мне, и я вижу, что он страшно зол.

— А если бы ты... ёкнулся?! Идёшь замыкающим — и лезешь на стену!! Ты что, хочешь, чтобы я тебе по шее дал?!

Я ошеломленно моргаю глазами.

— Ну, ... извините, ... я, честное слово, ... без задней мысли, — бормочу я растерянно.

— Вот так каждый будет «без задней мысли», а я потом — отвечай. Ты бы сейчас загремел, а мне — тюрьма! — остывая, внушает мне руководитель похода.

Поняв, что гроза миновала, виновато поплёлся за ним. И вдруг увидел на тропе маленький блокнотик и авторучку. Наклонился и поднял. Это был хронометраж нашего похода.

— Михалыч, это не Вы потеряли? — поспешно спрашиваю я, стараясь загладить вину.

— Это Андрюшкин, наверно, — отвечает Филиппов, — он же у нас хронометрист.

Вскоре мы с Михалычем сравнялись со всеми.

— Я это выронил, что ли? — удивляется Ефименко, принимая свою потерю.

Понемногу смеркает, но решено как можно ближе подойти к Тюрдемскому перевалу, чтобы с утра, пока снег на перевале ещё не размякнет, взойти на него с наименьшей затратой сил. Ощутимо холодает. Лес становится реже. Солнце касается своим краешком гор, а мы всё идём, подыскивая подходящее место для палаток. Уже порядком стемнело, когда мы останавливаемся. Почва под ногами твёрдая, замёрзшая.

Удачное место для ночёвки своей группы выбрал Аляев. То, что досталось нам, не устроило Филиппова, и он нашёл другую площадку метрах в двухстах от костра, который разводили дежурные.

— Холодно спать будет, — предположил он, подойдя к костру, — я там полиэтилен расстелил, можете идти укладываться.

Михалыч взял в поход свою компактную перкалевую «памирку» и самодельные складные колья к ней, поэтому ставилась его палатка очень быстро.

И тут обнаружилось, что Вера наша что-то загрустила, загрустила, отошла в сторонку, села на камень, и вот уже слёзы у неё навернулись на глаза.

— Что случилось? — озадаченно спросил я у Филиппова.

— Всё нормально, — усмехнулся тот, — по дому скучает, она ведь первый раз в таких условиях. Это скоро пройдёт.

На следующий день предстояло дежурить мне и Лёше, и по моему предложению мы с вечера натаскали здоровенную кучу дров, благо их тут было достаточно.

13 мая 1978 года

Мы с Лёшей вскочили на целый час раньше, чем обычно встают дежурные, и работа закипела. Один разводит костёр, другой рубит дрова. Один бежит с котелками за водой, другой готовит продукты. При возникшем дефиците времени нужно было с подобными делами справляться быстро.

Никогда ещё так скоро не готовился завтрак, но, к сожалению, сонные участники вылезали из спальников слишком медленно. Одним из первых выскочил Филиппов. С ужасной щетиной на лице, в коричневой шапочке на голове, с заспанными глазами и слегка опухшим лицом.

— А-а-а-ха-ха-ха-ха! — кричит он во всё горло, разгоняя сон.

Снимаем палатки, отдираем от земли примёрзший полиэтилен. Мишка Мельников отчитал Ульянова за то, что тот «как всегда, слишком медленно собирается». Пром слегка смутился, но промолчал.

Двинулись вверх по Тюрдему. Идём, как мне кажется, слишком медленно. Вскоре вода заканчивается, под ногами — сухое, всё более выполаживающееся русло. Тропа уходит под снег. Смёрзшийся за ночь снежок энергично хрустит под вибрамами.

Я и Мельников вырываемся далеко вперёд, оставляя за собой цепочку следов. Лезем, что есть силы на перевал. Чувствуется, что Мишка — мужик волевой и очень упрямый. Между нами завязывается разговор.

— Давно туризмом занимаешься? — спрашивает он.

— Прошлым летом — альплагерь, потом два зимних похода. А ты? — интересуюсь я.

— Ну, я пока ходил только в «единичку» на Караколы в ноябре с Лаврухиным.

— Так ты не на втором курсе?

— Нет, на первом.

Мы на самом верху. Достав карту и компас, Михаил начинает ориентироваться.

— Странно, — удивляется он, — что-то не похоже на перевал!

Он спускается чуть вниз за перегиб и внимательно смотрит на открывшийся пейзаж, потом на карту и недоумённо пожимает плечами:

— Идти-то дальше некуда!

Теперь я смотрю на карту. В самом деле, идти некуда, потому что водораздел явно поднимается. Вглядываюсь ещё раз вперёд.

Подошли все, и Михалыч спросил:

— Ну, что вы там увидели?

Взглянув на карту, говорит:

— Ха! Проскочили! Ну, давайте спускаться здесь.

Спуск не был трудным. Мы просто прошли по верховьям Тюрдема несколько дальше, чем следовало, и перевалили не в самом низком месте.

Чем ниже мы спускаемся, тем снег под ногами делается всё более мокрым, и его становится всё меньше. Наконец, в верховье реки Кара—Су появляется тропа. Теплеет, а затем и вовсе наступает жара.

У слияния рек Кара—Су и Конный устраиваем обед на стоянке плановиков. Мощные тропа и кострище, в кустах — гора консервных банок и перевернутое проржавевшее ведро.

Из зимы с её снегом и холодом мы прибыли в знойное лето. Повеселели. Разделись до пляжного вида. Все мокрые и не очень мокрые вещи, включая палатки и спальники, разложили на солнышке.

Мы с Лёшей моментально развели костёр и сварили обед. На это ушло всего минут двадцать. С теплом появились и клещи. Первого обнаружил Женя Беляев, второго — я.

Отдохнуть практически не удалось, передышка оказалась короткой, несмотря на то, что хотелось и поспать. Требовалось скорее идти вперёд, навёрстывать упущенное время.

Пообедав, упаковали рюкзаки, но произошла задержка: Филиппов вёл разговор о провизии с Мельниковым и Шуркевичем. Последний — завхоз в нашей группе. Похоже, руководитель был крайне недоволен раскладкой продуктов. Когда мы двинулись, Михалыч решил идти замыкающим, и его необычно злое лицо видел каждый, кто его обгонял. Мне стало не по себе. Если у руководителя похода такое настроение, то не жди добра.

Лёша выглядит неважно. Небывалые для него нагрузки, история с раскладкой и недоброжелательное отношение к нему некоторых участников, в особенности Верки Хвоиной, делают своё дело. Он, похоже, совершенно измотан.

На первой же передышке большинство походников задремало. Собрался подремать и я, но в это время подошёл Филиппов. Он выглядел теперь как всегда полушутливо и был в хорошем настроении. У меня отлегло от сердца.

Накапливался недосып, и на каждой остановке мы стремились хоть чуть-чуть поспать.

Но вот снова идём по мокрому снегу вверх. Подъём крутой, отдыхаем через каждые двадцать минут. Явно перевал не проглядывается, продвигаемся наобум, а затем по медвежьим следам.

Когда мы наконец-то выбрались на водораздел, то сразу же приободрились: к дереву прибита железная табличка с цифрами «77». Следы медведя вывели нас точно на Акса—Азканский перевал, где проходит плановая тропа 77 маршрута. Спуск с перевала ведёт к реке Акса—Азкан.

Вначале было круто, заснежено, с угрозой схода мокрой лавины. Чтобы её не подрезать, Михалыч предложил оригинальный способ прохождения опасного участка. Велел достать весь имеющийся у нас полиэтилен и положить на него рюкзаки. Затем, придерживая, кое-где подталкивая и опираясь на них, бежать рядом.

Когда более половины группы выбралось на безопасный участок, несколько человек наверху прямо над нами решили ускорить спуск, не подозревая, что впереди снежная крутизна с большим перепадом высоты. Усевшись на рюкзаки, они «паровозиком» поехали вниз. Увидев это, Филиппов аж подскочил:

— Ну, всё б..., сейчас спустят лавину! Э-э-э! — заорал он изо всех сил, — Прекрати-и-ить!

Безобразие было моментально прекращено.

— Александр Михайлович, а вот я читал, что лавину можно вызвать и громким криком тоже?

— Смотря какую, — отвечает мне Филиппов, — вот здесь хоть сирену можешь включить, и ничего не будет — снег мокрый, а подрежешь его, слетит и так утрамбует, что стамеской потом тебя выколачивать...

Останавливаемся на ночёвку на первом же удобном месте в зоне леса. Тяжёлый был сегодня день, зато взяли целых два перевала.

А вот костёр, несмотря на обилие дров, никак не хотел разводиться. Поленья были слегка сыроваты, да и сидели мы в каком-то непродуваемом месте. В конце концов в процесс вмешался Филиппов:

— Ну, что, сделаем по таёжному, — произнес он, разбирая сложенный дежурными «колодец».

Выбрав три самых толстых обрубка, Михалыч сделал топором на них затёсы, затем уложил эти поленья вплотную друг к другу на кострище. Настрогав стружек и щепок, он бросил их кучкой сверху и поджёг. Постоянно поддувая, он подкладывал всё более крупные щепки, пока не образовались угли, на которые он переложил сверху одно из поленьев. Через некоторое время костёр полыхал на славу.

Ужинали уже в темноте, и кто-то съел четыре кусочка сахара, предназначенные Филиппову.

— Дежурный, выдайте сахар! — возмутился он, и Шуркевичу пришлось доставать новую пачку.

Сегодня петь под гитару не хотелось. Устали...

14 мая 1978 года

Спустившись до основного русла реки Акса—Азкан, мы повернули влево и начали подниматься. Все обратили внимание на резкое изменение рельефа. Он стал более суровым.

Долго мы шагали вдоль реки, пока не начала просматриваться граница леса. Остановились на обед у готового кострища на довольно скудной каменистой площадке.

Дежурить должен был Филиппов, однако, взяв в руки карту, он так долго её рассматривал, что тем самым уступил своё дежурство добровольцам, одним из которых была Оля.

Неожиданно руководителя осенило:

— Да вот же в чём дело! Просто, карта у нас такая... неправильная! — воскликнул он и, наконец, обратил внимание на поставленную рядом с ним миску с супом.

Примерно через час после обеда мы попадаем в красивый ущелок со спущенной лавиной на противоположной стороне. Невольно любимся открывшимся видом.

Уйменский перевал оказывается несложным, через него идёт хорошая тропа. Съев традиционный шоколад, начинаем спускаться, и скоро перед нами открывается завораживающая картина Уйменских озёр. Красотища! Это означает, что, несмотря на обилие снега в горах и отсутствие точной карты, мы идём правильно.

Впрочем, наша карта представляет из себя вполне приличную километровку–гидросхему, но она обрывается рекой Уймень. А вот на остальную часть пути у руководителя почему–то вообще нет карты. Остаётся одна туристская схема с описанием 77 маршрута, ориентироваться по которой почти невозможно. Михалыч же, видимо, рассчитывал на наличие хорошей плановой тропы, несмотря на межсезонье.

Согласно описанию, самой высокой точкой в пути является перевал через Сумультинский хребет под названием Штатив. На нём под ногами должны характерно похрустывать оригинальные камешки — «сухарики». А сейчас мы каменистой тропой спускаемся к Уйменским озёрам.

Становится явно теплее. Приближаемся к стоянке на самом красивом и живописном месте маршрута. «В Уйменских озёрах водятся хариус, таймень и другая рыба,» — читаем в описании. Всё ближе и ближе великолепные озёра. Тёмная вода подсказывает, что здесь огромная глубина.

Выходим на кромку озера. Мелкая рыба разбегается по поверхности прочь от берега. Вот стоянка плановиков. Группа Аляева располагается в их пустом фургончике. Мы же ставим палатки.

Снова очень тепло, хочется спать и есть. И тут послышалась... трель соловья. Чудо какое–то!

— Варите побольше, — говорит Верка Хвоина, — толпа голодная. «Мы не толпа, а туристская группа,» — поразмыслил я, но промолчал.

Засыпая подумал, что может, это и не соловей, но очень уж похоже...

15 мая 1978 года

Утренний пейзаж прекрасен. Озёра, обрамлённые заснеженными вершинами гор, дышат спокойствием и величием. Но безмятежности не чувствуется. Во–первых, здорово отстали по времени, во–вторых, обнаружили просчёты с продуктами, которых оказалось взято меньше, чем требовалось.

Вчера на Уйменском перевале мы вытащили из тура записку туристов–лыжников, которые два с половиной месяца назад проходили здесь маршрут второй категории сложности. «Направляемся в посёлок Уймень,» — говорилось в записке. Появилась возможность с учётом всех обстоятельств сократить наш путь, завершив его в этом населённом пункте. Я, многозначительно взглянув на Михалыча, спросил:

— Посёлок Уймень — это где?

— Вниз по реке, — ответил Филиппов, — нам туда не надо.

А контрольный срок–то у нас, как я понимаю, 21 мая. Значит, руководитель хочет во что бы то ни стало пройти всё, что запланировано. Ну, что ж, ему видней...

Каждый раз, спускаясь с очередного перевала, мы попадаем в долину, не похожую на предыдущую. Каждый раз на перевале нас ждёт зима, снег, а после перевала — сначала весна, потом лето. Такая стремительная смена времён года вызывает у всех восторг.

Дойдя до первого достаточно крупного притока реки Уймень, сворачиваем к нему и начинаем подъём. В этот раз снега значительно больше, чем обычно. Мы сильно сомневались в правильности выбранного пути, и Филиппов долго рассматривал схему 77 маршрута.

Тропка проглядывает только там, где вытаяла, и приходится ходить вверх–вниз по склону в её поисках. Особенно серьёзные нагромождения снега возникают под перевалом, здесь о тропе нет и речи.

Шагая первым, я вырубал вибрами ступени на крутом снежном склоне. Из каких–то соображений Филиппов крикнул, чтобы я шёл левее, казалось бы, не к самому низкому месту. Но в этот раз его интуиция сработала верно, и вскоре мы стояли у тура Караса—Азканского перевала. Впереди нас ожидал спуск к широкой заснеженной долине реки Караса—Азкан.

В этот день топали без обеда. Перед перевалом обедать было негде, после перевала мешал снег, а потом стало просто поздновато.

Теперь тропёжкой занимались только двое: Андрей Изотов и я. Шуркевич был совершенно измотан. Беляев наотрез отказывался: стёрты ноги. Я же стремился доказать, что чего–то стою, и зачастую не только шёл первым по рыхлому снегу, но ещё и значительно отрывался от остальных участников. И тропил, тропил...

Во время одной из коротких передышек Лена Шибаетова, посмотрев на меня с уважением, предложила:

— Хочешь конфету?

Отказался. Но такое отношение Лены было неожиданным и очень приятным. Вообще, интересный человек Лена, она с парнями запросто общается так же как со своими подругами, и при этом — никаких ухажёров.

Шуруя впереди всех, я не испытывал особой усталости, меня не покидало приподнятое настроение. А вот дефицит сна ощущал. Это недосыпание накопилось у всех участников, что, чуть было, не привело к непоправимым последствиям.

Дело было так. Остановились передохнуть. Я уселся на рюкзак среди заснеженного кустарника затем, уронив голову на колени, задремал. И тут случился переполох. Открыв глаза, понял: произошло что–то неладное. Оказалось, что среди нас нет Андрея Изотова. Тут же гонцы отправились назад по следам на снегу.

Произошло же следующее. Во время одной из остановок уставший Андрей, натянув капюшон штормовки на голову, сел на свой рюкзак немного в стороне от остальных и... крепко уснул. Обе группы, передохнув, двинулись дальше, не заметив потери.

Через сорок минут мы остановились на отдых. Я снова пошёл тропить, через пять минут двинулись остальные. Продираясь сквозь снежную целину, старались идти как можно быстрее. И только во время следующей остановки кто-то, к счастью, заметил, что нас на одного меньше...

...Проснувшись, Андрей обнаружил, что остался один среди заснеженной тайги. Сколько времени прошло? Неизвестно. Сообразив в чём дело, он вскочил, накинул рюкзак и побежал по нашим следам.

А если бы позёмка? А если бы дикие звери?

Он стал кричать изо всех сил, но никто не откликнулся. Побежал быстрее, но вскоре выдохся. Останавливался, кричал, снова бежал, снова кричал, но — ни звука в ответ. Поняв, что товарищи далеко, он не на шутку перепугался, но, всё же, упорно шёл и шёл. Временами останавливаясь, кричал, вслушивался и снова шёл. И только часа через полтора, не веря своим ушам, он услышал голос Сергея Ульянова, который громко скандировал:

— Ан-дрей, Ан-дрей!!!

Наконец-то мы все вместе! Первые секунды Андрей растерянно улыбается и не может вымолвить ни слова. Наконец говорит, как бы порицая себя:

— Хреново...

Но все радуются такому исходу и в ответ только смеются.

Чем ниже мы спускаемся по Караса—Азкану, тем снега становится меньше, а смеркается всё быстрее. По описанию, поворот налево должен быть «по второму крупному притоку», но то ли в описании неточность, то ли понятие «крупный» — слишком относительное!

Когда остановились у второго притока, Михалыч отправился на разведку. Кадет диктовал мне пародию на песню Высоцкого «Здесь вам не равнина...». Ульянов, повредивший в начале похода палец на левой руке, пытался научиться зажимать струны другими пальцами. И тут появился Филиппов:

— Ну, что! Ни по одной, ни по другой стороне притока тропы нет. Идём дальше!

Это был тяжёлый день, впрочем, как и все предыдущие, но сегодня мы ещё и не пообедали. Пройдя ещё километра полтора, нашли удобное место для ночлега.

Пока дежурные готовили ужин, Михалыч предложил мне с кем-нибудь сходить на разведку. Я выбрал безотказного Сергея Ульянова. Сергей — весёлый, добродушный человек, похоже, вообще не умеющий обижаться.

Когда мы с Промом шли вниз вдоль реки, я с интересом разглядывал открывающуюся перед нами картину. Покрытые массивными снежными шапками, горы выглядят грандиозно! Не так, как раньше. Долина реки Караса—Азкан оказывается более мощной и широкой, чем пройденные ранее долины. Вечернее солнце раскрашивает ландшафт в цвета и оттенки картин Рериха.

Спустившись километра на три от места ночёвки, наконец-то видим слева крупный распадок. Приток вроде бы соответствует описанию, но хорошей тропы мы не обнаруживаем. Полной уверенности, что это наш поворот, нет, но ниже спускаться бессмысленно: либо это то, что нам нужно, либо мы проскочили мимо, что маловероятно. Остатки сил тратим на подъём к группе.

Стемнело. Ужин приготовлен.

— Разведчикам налить побольше! — предлагает кто-то из темноты.

— Ничего подобного! — вдруг раздаётся строгий голос стажёра Мельникова, который явно пытается сохранять командирский тон.

Дежурный Коботов, которого друзья чаще зовут по отчеству — Ардальоныч, всё-таки наливает нам по полной миске.

Коботов, и его друзья, Дерябин с Ульяновым — спелеотуристы. Дружная, слаженная компания, чувствуется, что они немало походили вместе.

Суп из лапши с тушёнкой густо заправлен томатной пастой. Но усталость так велика, что даже при отсутствии обеда я еле доедаю свой ужин. Непреодолимо хочется спать.

Забравшись в спальник, успеваю подумать: «Тот приток мы нашли или не тот?» — и моментально засыпаю, даже не заметив, что палатка поставлена неудачно: голова — ниже ног...

16 мая 1978 года

Проснувшись, не сразу понял, что и я, и мои товарищи по палатке выглядим несколько необычно. Если выразиться помягче, мы слегка опухли. Напялил на голову свой снежный шлем, и Света Курбакова сообщила, на кого я стал похож... Впрочем, когда накинув рюкзаки, мы отправляемся вниз по Караса—Азкану, наш внешний вид очень быстро приобретает нормальное состояние.

Доходим до того самого распадка, где вчера были с Промом, и поворачиваем в него. Хорошо утоптанной плановой тропы мы так и не видим, а вот снежок, который всё чаще попадает под ногами, скоро укрывает и те тропки, что вначале просматривались.

Михалыч, время от времени поглядывавший на схему 77 маршрута, вдруг командует:

— Лезем влево вверх!

А, когда мы начали вскарабкиваться по крутому склону, хватаясь за кустарники, он весело крикнул:

— Ха! Пятнадцать минут работы, и мы — на перевале!

После этого лезли вверх полтора часа, потом после небольшого отдыха — ещё час. А когда оказались на самом гребне и посмотрели за него, то стало ясно, что мы находимся

на водоразделе между двумя верхними притоками реки Караса—Азкан. Сваливать туда, означало — попасть в верховья, по которым прошли вчера, и Михалыч распорядился:

— Ну, что! Траверснём?!

Идти по самому верху водораздела мы не захотели, потому что пришлось бы набирать ненужную высоту, а затем её терять. Просто двинулись траверсом по склону, который был весьма крут, и, сорвавшись, по нему можно было, между прочим, долго катиться вниз, расшибаясь о камни.

Вскоре вышли на снег, в котором нога проваливалась кое-где по самое не хочу. При этом нужно было помнить, что задержаться при падении на снежном склоне гораздо труднее, чем на травянистом.

В одном месте я провалился и упал, но не покатился, а удачно завяз в снегу. Рядом со мной то же приключилось с Мельниковым. В другом месте попалась здоровенная каменная глыба, которую Вера хотела использовать в качестве опоры, но, с ужасом ощутив, что глыба «живая», рванула прочь от опасного места.

Через некоторое время мы выходим на поперечный гребешок, с которого открывается кусочек панорамы Сумультинского хребта. Впереди, в самом верху притока виднеется красивая седловина. Филиппов, посмотрев на схему, говорит, что это — не то, что нам надо, под перевалом должно быть озеро. Он командует лезть вверх в лоб, и часа через полтора мы попадаем на гребень. Метрах в двухстах проглядывает что-то похожее на перевал.

Останавливаемся для передышки, а затем Михалыч и я, вооружившись основной верёвкой, идём на рекогносцировку.

Сначала Михалыч, глянув за перегиб, кричит:

— Всё в порядке, внизу Караташ.

Затем он бормочет:

— Что-то сложноватый перевал для плановиков-то...

Он поручает мне страховку, обвязывается и приспускается за перегиб, исчезая в расщелине. Ребята орут с места остановки:

— Ну, что у вас там?!

— Вроде, перевал, — отвечаю, стараясь не отвлекаться.

Впереди, куда тянется верёвка к Михалычу, очень круто.

— Выбирай, — угадываю его голос.

— Странно, да здесь категория «2Б», — с такими словами появляется Филиппов. Взглянув ещё раз на схему, он вдруг начинает отрывисто и насмешливо исторгать страшные

ругательства в адрес этих гор, попутно сообщая, что реки за перевалом текут не в ту сторону

— Э-э-э!!! — орёт Филиппов группе, — Айда сюда!

Ребята идут к нам, прихватив мой и Михалыча рюкзаки. Точнее сказать, мой-то висит за спиной у Шуркевича. У Лёши неудобный рюкзак, к тому же правильно укладывать его он пока не научился. Сначала я помог Лёше упаковаться, а затем и вовсе с ним временно поменялся. У меня рюкзак такой же, как у Мельникова — по десять рублей восемьдесят копеек, не очень объёмный, но удобный.

Проходим ещё немного траверсом. Внизу появляется озеро, и становится всё ясно. Надо было просто двигаться по руслу до самого верха притока, а затем оттуда брать перевал в лоб. Это несоизмеримо легче и проще только что проделанного пути. Вот тебе и «пятнадцать минут работы»! Теперь же ничего не остаётся кроме продолжения пути по склону до перевальной точки.

Мы были почти на перевале, и тут вдруг впереди идущие, не дойдя несколько метров до тура, упали наземь, как подкошенные. «В чём дело?» успел удивиться я, и в тот же миг был сбит с ног сильнейшим порывом ветра. «Вот это — да!» — подумал, прижимаясь щекой к склону.

Так все пролежали несколько минут, пока ветер не ослаб. Затем почти ползком преодолели перевал через Сумультинский хребет, так и не обнаружив обещанных «сухариков» под ногами.

На этот раз мы ели шоколад не на самом перевале, а немного за ним, прячась от ветра. Тут же Аляев наконец-то разгрузил Свету Курбакову, которая уже дня два страдала ангиной. Я поделился с ней своей долькой шоколадки, а Света этому очень удивилась.

— Шоколад съели? — вдруг спросил Филиппов, до этого разглядывающий открывшуюся за перевалом картину, и тут же добавил:

— Эх, зря! Надо было на НЗ оставить... Кстати, вы заметили, что сзади нас — всюду снежные шапки, а по ту сторону хребта вообще нет снега?

Да, впереди снег отсутствовал, и все приободрились. Легче будет ориентироваться.

Потеряв из-за отсутствия точной карты и обилия снега много времени, встали на ночёвку, как только вошли в зону леса. Сегодня снова не пообедали, но зато преодолели самый высокий перевал маршрута — Штатив. Оставалось взять перевалы Самурлу, Казакталма, Чакрык, Таныс и по Ачелманскому спуску дойти до посёлка. Судя по описанию, мы уже прошли большую и самую трудную часть пути.

Засыпая, я подумал, что про НЗ Михалыч вспомнил неспроста...

17 мая 1978 года

Наутро мы так и ахнули. Всё вокруг было в снегу! Снег лёг ровным слоем на палатки. Снег покрыл и горы, и долины, и деревья. Значит, ориентироваться и идти будет ничуть

не легче. Все тропы и тропки безнадежно исчезли — вокруг расстилалась снежная скатерть.

Сначала спускались по кромке Уй—Караташа, поросшей мелким кустарником. Потом, попав в береговой лес, пошли по нему. В поисках прохода петляли, то приближаясь к реке, то удаляясь от неё.

Река Уй—Караташ не похожа ни на одну из пройденных рек. С невероятной скоростью и грохотом несёт она свои воды, свирепо перекатывая камни. Эту реку я мысленно окрестил Зверюгой. О бродах нет и речи. Утешает лишь то, что мы следуем вниз левым берегом и свернуть потом должны тоже налево

— Уй—Караташ означает «Ай да Караташ!», — нараспев говорит Филиппов, глядя на беснующуюся реку. Теперь мы идём по следу козлика, предполагая, что козлик умный и что пробежал он именно там, где надо.

— Ну, что, — рассуждает Михалыч, — дойдём до притока, и там — на обед.

С разрешения руководителя иду вперёд, не дожидаясь остальных. Шагаю с твёрдой решимостью дойти к предполагаемому притоку и развести там костёр до прихода группы.

Скоро следы козлика начинают уводить куда-то влево, и я, заметив зарубки на деревьях, ориентируюсь по ним. Зарубки встречаются не слишком часто. Поэтому, один раз выйдя прямо к бешено ревущей реке, был вынужден развернуться и пройти метров пятьдесят назад.

Дальше иду вдоль реки, радуясь каждой очередной зарубке. Они означают, что здесь проходит какая-то тропа.

А вот появляется слабый приточек. «Нет, не то,» — думаю я и, обернувшись назад, кричу:

— Эй-э-эй!

Никто не отзывается. По-видимому, я здорово оторвался от группы. Стал осматриваться.

Мелкий-мелкий снежок, сеющий с неба, не даёт что-либо разглядеть. Уй—Караташ ревет где-то невдалеке. Гляжу вперёд в надежде увидеть нужный приток или хотя бы намёк на него, но тщетно.

Все должны идти по моим следам. Сбросив рюкзак, отправляюсь назад. Через некоторое время встречаю остальных и интересуюсь, правильно ли я иду.

— Да-да, всё правильно, — отвечает Филиппов, — там только один раз ты явно вышел к реке и повернул назад.

Группа сильно растягивается, и, прежде чем идти, я дожидаюсь последнего, помня о том, как однажды уснул Андрей Изотов. Однако всё в порядке, и я снова вырываюсь вперёд. Через некоторое время догоняю самых первых — Серёгу Дерябина и Володю Коботова. Они, скинув рюкзаки, уже разводят костёр на снегу.

— Зачем?! — воскликнул я, — давайте дойдём до притока!

— И снова останемся без обеда! — горячо отозвался Коботов.

— Но приток, наверно, близко!

— Да ну, ты! — снова горячо возразил Коботов и спросил ехидно: — Пятнадцать минут работы, да?

Решив, что спорить бесполезно, не снимая рюкзака, жду всех. Костёр никак не хочет разгораться, а тем временем подходят остальные участники.

— Михалыч! — обращаюсь я к руководителю, — Может, всё-таки дойдём до притока и там пообедаем?

Но Филиппов возражает:

— А чем это место плохо? — отменяя своё же решение. И мы располагаемся на обеденный отдых.

Снег пошёл крупными хлопьями, затем снова превратился в изморозь. Наконец-то удалось развести хороший костёр, и в котелках забурлила вода. Рюкзак, и без того подозрительно лёгкий, стал ещё легче. Потом костёр догорел, образовав в снегу яму до земли.

После обеда вначале попадались знакомые зарубки на деревьях, затем дорогу преградил бурелом. Однако широкая долина реки Уй—Караташ позволила обойтись без лазанья по крутым склонам.

Тропили в основном попеременно я и Изотов, опережая Михалыча, который шёл третьим. После очередной передышки попробовал тропить Шуркевич, но быстро выдохся. Уныние по-прежнему преследовало его. Похоже, путешествие продолжало быть для Лёши в тягость.

Чтобы посмотреть на реакцию, я предложил Жене Беляеву:

— Ну, что, вперёд, твоя очередь!

Тот безапелляционно замотал головой: стёрты ноги.

По-прежнему идём с Андреем Изотовым впереди всех. Не сговариваясь, время от времени меняемся местами. Это у нас вызывает некоторый дух соревнования, что весьма кстати при имеющемся цейтноте. Иногда шагаем рядом, рассказывая друг другу анекдоты, и в одном месте кто-то, забежав вперёд, сфотографировал, как мы от души смеёмся.

Достигли, вроде бы, нужного нам притока, и ещё часа два по-светлу можно было идти. Но снег повалил хлопьями так, что ориентироваться становится совершенно невозможно, тем более без нормальной карты.

Изображённый на схеме приток мало походит на то, что мы видим перед собой на местности. Локальная разведка успеха не приносит: ничего не видно, да и снег по колени. Берег притока круто спускается в воду. Как перебраться на противоположный, более пологий берег, сейчас непонятно, и руководитель принимает решение:

— Останавливаемся на ночёвку где-нибудь здесь!

Мало сегодня прошли, а сколько ещё осталось?..

— Ничего, всё равно до 21 мая мы придём, — успокаивает Михалыч и повторяет, — до 21 всё равно придём!

Падает снег. Окружающая нас природа совсем не напоминает календарный май. Наступила настоящая зима. Утопая в снегу, рубим лапник под палатки, разводим костёр.

— Эй, берегись! — слышу я и вижу такую картину. Жутяйкин невозмутимо роется в своём рюкзаке. На него также невозмутимо падает подрубленная тонкая осина. Услышав крик, он распрямляется, и в этот момент осинка попадает точно ему на голову. Володя делает треугольные глаза, ничего не понимая. К счастью, удар производит на Жутяйкина исключительно эмоциональное воздействие.

Жутяйкин, как и Шуркевич, первый раз в серьёзном походе, но Володя более спортивен и ему полегче, несмотря на то, что его не переваривает Света.

Пужинали. Забравшись в палатки, обложились тёплыми и не очень тёплыми вещами. Засунули ноги в пустые рюкзаки — так теплее.

Смёрзшиеся петли палатки застегнуть не удаётся. Михалыч шуршит в спальном мешке, в очередной раз перезаряжая кинокамеру. Неопределённость.

Позади десять дней после выхода. В этот срок Филиппов хотел уложить весь маршрут. Пока же и конца не видно. Сколько дней до контрольного срока? Четыре что ли?... Многогранный у нас поход получается, но, видимо, так и надо. Ведь из нас готовят инструкторов туризма, а не просто путешественников. Как там у Суворова? «Тяжело в учении — легко в бою!» Чем больше уроков, тем потом будет легче...

За десять дней в тайге мы, похоже, адаптировались к резким изменениям климата. Ни снег, ни холод не помешали нам моментально заснуть.

18 мая 1978 года

Этот день встречает нас ярким весенним солнцем, но снег не тает. Заснеженные кедровые деревья выглядят по-зимнему сказочно.

Мы отправляемся влево вверх по кромке притока реки Уй—Караташ. Утопая выше колен в снегу и жмурясь от сверкающего на солнце снега, продвигаемся очень уж медленно. Впереди должен быть перевал Самурлу, но приток не соответствует схеме, поэтому возникают серьёзные сомнения в правильности пути.

Реки Уй—Караташ и Самурлу обозначены на схеме параллельно друг другу, и кто-то предлагает:

— А может, перевалить в любом месте?

Но этого делать нельзя — неизвестно, что там за склоны.

Шагая первым, я по камням пересёк приток и пошёл справа от него по пологому участку. Но следовавший за мной участник почему-то этого не сделал, и все двинулись за ним по неудобному для продвижения берегу. А зря! В результате на границе воды я вынужден был ждать всех целый час! Ругался про себя, но ускорить их продвижение не мог. Время, время...

Когда группа настигла меня, оптимист Михалыч крикнул:

— Э, да мы почти на уровне перевала!

Но это оказалось далеко не так. Лишь спустя два с небольшим часа мы оказываемся на верху водораздела, не понимая, почему на обветренной от снега каменистой почве тропки прорисованы почти перпендикулярно нашему движению, наперекосяк, параллельно открывающейся за перевалом реке. Сама же река, в свою очередь, течёт почти перпендикулярно заданному туристской схемой направлению.

Может быть, поднялись не по тому притоку? Но Михалыч, махнув рукой, командует:

— Режем прямо к реке!

Это была очередная ошибка! Следовало уходить влево, обходя верховья правых притоков реки Самурлу. Именно там шла скрытая снегом плановая тропа.

Я быстро спускался первым, но делал слишком широкие шаги, поэтому остальные участники по моим следам не пошли. Спуск, тем не менее, соответствовал описанию: очень крутой, но недолгий. Когда крутизна миновала, Филиппов, оглянувшись назад, с досадой произнёс:

— Опять промахнулись!

В самом деле, оказывается, перешли водораздел не в самом низком месте, а примерно в километре от него.

Подойдя к реке, устроились на обед. Солнце приятно пекло. Около берегового леса вытаяли зелёные лужайки, на одной из которых я улёгся и сладко задремал. Дежурные тем временем готовили супчик из «сублимути» и кисель.

— Айда жрать! — кричит Пром.

Открыв глаза, понял, что руководитель распорядился полностью объединиться обеим группам. Прежде всего это касалось провизии. И у нас, и в параллельной группе продукты были на исходе.

Михаил Мельников и Александр Аляев давно уже перестали командовать. Фактически уже несколько дней нами руководит один человек — Александр Михайлович Филиппов.

Постоянно хочется спать и, похоже, уже катастрофически не хватает ни времени, ни продуктов.

Когда я спросил у Мишки, куда мы сейчас пойдём, тот пожал плечами, мол, кто его знает. Михалыч же удивлённо отозвался:

— Как куда? Вниз по реке!

Но река—то ведь течёт не в том направлении... Хотя, может, это один из притоков, который выведет нас на плановую тропу?

Но что это? Снег кончился. Перед нами — узкий, мрачный распадок, сильно заваленный буреломом.

Пробираемся, то подлезая под валёжины, то перелезая, то перешагивая. В результате идём ужасно медленно!

Сумерки уже заметно сгустились, когда приток наконец соединился с руслом, направление которого вроде бы совпадает с указанным на схеме. Но сколько времени потеряно на этом участке!

Чуть пониже устья притока лежит кедр, когда-то упавший прямо через реку. Сгоряча я сходу проскакиваю по этому дереву, не снимая рюкзака и даже не замечая, насколько здесь опасно. Следующий участник Ульянов идёт без рюкзака, со страховкой, медленно и внимательно. Остальные переходят, держась за верёвочные перила, натянутые Промом, стараясь не глядеть на воду.

Как же это я так прошмыгнул?!

Вера Хвоина попросила меня:

— Сходи за рюкзаком Сергея, ему ведь ещё верёвку снимать.

Снова перебегаю быстро, почти не держась за перила, словно загипнотизированный.

Следом пошла Света Курбакова и... упала, к счастью, не выпустив перил из рук. Ей ободряюще кричали: «Ничего страшного!» — пока она выкарабкивалась на дерево. После переправы кто-то признался, что неприятно было проходить по нему, особенно в конце, где струя била со страшной силой.

Идём в сумерках, но притока, по которому предстоит подниматься, всё нет. Проскочить его не могли. Может, эта река — не Самурлу? Ответа на последний вопрос не может дать никто. Я вижу: Михалыч весьма смущён. Сложив губы трубочкой и надув щёки, он смотрит то на схему, то на местность.

Давно пора становиться на ночёвку, но где найти для неё подходящее место? Каменистые, покатые участки на склоне, без воды, с рваными клочками снега не могут приютить уставших людей для ночного отдыха.

Почти совсем стемнело, когда мы спустились на небольшую площадку с камнями, где с грехом пополам можно было поставить одну палатку.

— Ну, что... в принципе... — бормочет Филиппов, — в принципе...

Но и в принципе восстановить здесь силы за ночь практически невозможно. Руководитель пытается шутить:

— Ну что, сидячей, висячей ночёвки у нас пока ещё не было.

Никто не реагирует. Ситуация принимает серьёзный оборот.

И тут появляется Андрей Изотов.

— Михалыч! — невозмутимо говорит он, указывая вниз в темноту, — Там что-то наподобие полуострова. Мы сходим, разведем.

Изотов и Дерябин уходят на разведку, а остальные расчищают от камней скудную площадку. Но она не пригодилась. Со стороны нашего склона протекает маленький рукав. На образовавшемся острове парни отыскали более или менее подходящее место для палаток. Не очень хорошее, но всё же вполне пригодное.

Располагаемся на ночь при свете костра. Поужинав, ложимся спать. Впервые ночуем так некомфортно, с камнями под пятой точкой и спиной.

19 мая 1978 года

На этот раз мы не выспались капитально! Однако, если бы не Андрей, то могло быть гораздо хуже.

Двинулись левым берегом и постепенно стали подниматься над рекой. Хорошей дороги здесь не было, хотя то и дело проглядывали звериные следы, которые вселяли некоторую надежду на появление тропы.

Чтобы хоть как-то развеселить народ, Михалыч вспомнил про своих знакомых туристов-водников, которые не в меру увлекались крепкими напитками: доплывают до очередного селения и — «в сельпо». И так они отмечались во всех сельпо на своём пути. Кто-то попытался засмеяться, да вышло это несколько неуклюже.

Взглянув на дремавших от хронического недосыпания участников, Филиппов неожиданно предлагает:

— А, что! Может быть, остановимся часа на два, поспим, а потом со свежими силами — до упора?

Кадет смотрит на руководителя, не понимая, шутит тот или говорит всерьёз. Беляев обрадовано скидывает голову.

Ардальоныч, настороженно наблюдавший за разговором, с мягким укором произносит:

— Так мы нескоро в сельпо попадём.

Вовремя он это заметил. Предложение Михалыча было весьма заманчивым, а недосып — уже весьма существенным, и все крепко бы уснули, но, конечно, не на два часа, а до ночного холода, не иначе.

...Мы идём дальше. И вот мощный приток слева! Неужели наш?! Обследовав сотню метров, возвращаемся к основному руслу. Никаких признаков тропы! Да и по описанию нужный поворот мы давным-давно должны были проскочить.

За притоком — бестропье, бурелом, прижимы. В то же время на правом берегу просматривается широкая, поросшая лесом береговая кромка. Михалыч на страховке идёт вброд без рюкзака с шестом. С трудом перебравшись на другой берег, он быстро привязывает верёвку удавкой к дереву и исчезает в кустах.

Друзья-спелеологи Ульянов, Коботов и Дерябин активно берутся за налаживание навесной переправы. На противоположном берегу в одних трусах появляется Михалыч, дрожа от холода, он разводит костёр.

Спелеологи же сработали очень оперативно. Им даже не пришлось возвращаться за основной верёвкой на левый берег. Решшур был привязан таким образом, что переправившийся последним Дерябин, дёрнув за него, освободил петлю, и основная верёвка была вытянута по воде.

Переправившись, тут же и обедаем, а руководитель принимает решение сокращать маршрут. Из туристской схемы следует, что река Самурлу, сделав крутой изгиб, впадает в реку Чебдар, Чебдар — в реку Башкауз, Башкауз — в реку Чулышман, Чулышман — в Телецкое озеро. Населённый пункт Балыкча на Чулышмане недалеко от озера является конечным пунктом активной части нашего маршрута.

Решение идти до населёнки без перевалов, вдоль рек ободрило всех участников. Возникло желание шагать и шагать без сна и отдыха. После всех пережитых приключений хотелось одного — скорее домой! К тому же оставалось очень мало продуктов.

Пройдя солидное расстояние по нехоженой дикой тайге, мы были вынуждены снова переправляться на левый берег. Здоровенный кедр, сваленный ветром, позволил обойтись без верёвок.

Уже в сумерках, сделав очередную навесную переправу, останавливаемся для ночёвки на вполне приличном месте, хотя и на краю обрыва.

Ночью лежащему с краю Михалычу показалось, что палатка его не удержит и мы свалимся с кручи. Он разбудил меня, и потребовал поменяться с ним местами. Я не такой широкий, как Филиппов, и мне на краю спалось вполне комфортно.

20 мая 1978 года

За сегодня и завтра необходимо дойти до населёнки. Иначе...

Иначе после контрольного срока — переполох в институте, в маршрутно-квалификационной комиссии, тревожные звонки в контрольно-спасательную службу. Спасательские вертолёты вылетят на наши поиски. Будут подняты на ноги десятки людей.

Кровь из носу — надо дойти!

Наскоро позавтракав, мы двинулись правым берегом. Местами попадаетея бурелом, и всё же едва заметная тропка не прерывается. Вот только отклоняется она куда-то в сторону от реки.

Во время очередной передышки Ульянов уходит на разведку. Ждём его около получаса. Наконец он возвращается. Спешит, загорелое лицо блестит от пота.

— Ну, что, дошёл?

— Дойти-то, дошёл, но река далековато.

— А тропы там нет?

— Нет там никаких троп, хотя, похоже, сейчас идём параллельно реке, поэтому стоит так и продолжать.

Шагаем дальше. Тропка, вроде бы, снова приближается к речке. Ага, значит, всё правильно!

После сорока минут хода тропа резко поворачивает направо. Стоп.

Снова разведка. Жутяйкин уходит назад посмотреть, не пропущена ли развилка троп. После того, как в течение двадцати минут он не возвращается, Дерябин идёт искать Жутяйкина, а Андрей Изотов отправляется вперёд по тропе.

Ждём-ждём — никого нет. Кто-то чертыхается: теряем драгоценное время. Кто-то собирается на поиски Дерябина и Жутяйкина, но большинство против. Ждём ещё полчаса. Куда же они все подевались? Нарастает беспокойство.

Наконец-то появляется Дерябин, за ним Жутяйкин. На их лицах написано, что хороших вестей они не принесли. Так оно и оказалось. Теперь в шестнадцать глоток мы скандируем:

— Ан-дрей! Ан-дрей!

Никто не отзывается. Кричим снова. Эффект тот же. И тут мне слышится отдалённый крик.

— Тихо, тихо, — говорю я.

Все замирают и прислушиваются. Нет. Ни звука.

— Ан–дрей! Ан–дрей!

И тут уже все слышат далёкое:

— О–го–го!

Появляется Андрей. Быстро приближаясь к нам, сходу радостно и возбуждённо он сообщает:

— Там километра через два — здоровенная река! Надо идти прямо по этой тропе...

— А направление реки? — спрашивает Михалыч.

— С запада на восток, почти что точно.

Дождавшись Прома, ушедшего на «шхельду», бодрым шагом двинулись по тропе.

Через два километра, мы остановились и замерли, поражённые открывшейся картиной. Мощная река с крутыми и высокими берегами, похожими на каньоны, стремительно несла свои воды на восток.

Постояв на краю обрыва, мы спустились к устью речки, по берегам которой пробирались последние два дня. Она впадала в большую реку, не делая изгиба, изображённого на схеме.

— На Караган выскочили? — озадаченно пробормотал Филиппов.

Река Караган — это, как и Самурлу, приток Чебдара, но впадает значительно ниже, следовательно выскочить на него мы не могли. Тем более, не могли так сразу вырुлить и на Башкаус. Следовательно, большая река — это, скорее всего, Чебдар.

В любом случае, по большой реке надо двигаться вниз, а для этого сначала требуется пересечь либо большую реку, либо малую. Решили делать навесную переправу через большую реку, так как на противоположном берегу виднелась хорошая поляна для обеда.

Первая тройка со страховкой пересекла Чебдар и разделилась. Двое стали разводить костёр, а третий начал налаживать навесную переправу. Потратив на неё около двух часов, мы достаём остатки продуктов для обеда. И тут подходит Андрей Изотов, успевший сходить на разведку, и ликующе сообщает:

— Там дальше изба, конная тропа и цивильные мосты!

Это неожиданное известие вызывает взрыв восторга. Конная тропа от избы обязательно выведет нас в населёнку!

Ура!!! Конная тропа!!! Никаких буреломов и прижимов! Поход окончен!!!

Мы сидим и бурно обсуждаем наши приключения. Что и говорить, это было необычное путешествие. Кроме того боялись опоздать к контрольному сроку, а теперь всё-таки успеваем!

Спелеологи зовут меня в осенний поход на пещеры. В сентябре, после «Эрлагола».

— И я с вами! И я с вами! — кричит Верка Хвоина.

Восторг, охвативший нас, не даёт спокойно пообедать. Мы скоро будем дома!!!

Подкрепившись, мы отправляемся дальше, восхищаясь качеством дороги и близостью населёнки. Вот и крепкая таёжная изба. Рядом — лабаз, установленный метрах в четырёх над землёй. У избы лежит череп марала с мощными рогами. Приостановились и решили: рога надо взять с собой. Реликвия. Рога не хотели отламываться до тех пор, пока Жутяйкин не догадался врезать обухом топора по черепу.

— Во! Говорят же: как дам в лоб — рога отклеятся, — свидетельствует Изотов, приторачивая их к рюкзаку.

Добротно сколоченные мосты. Их три: по ходу с правого берега на левый, затем с левого на правый и снова — на левый.

— Думаю, до посёлка осталось километров восемь, — с удовлетворением отмечает Филиппов. Широкая утоптанная тропа серпантинном поднимается влево вверх. Следы конских копыт явственно проглядывают на ней.

Спокойно, с лёгким сердцем мы так и шагали, пока не выскочили на каменную осыпь среднего калибра, где тропа пропала. Прошли по осыпи, которая широченным руслом круто спадала к реке, и стали искать выход тропы из неё. Осмотрев изрядный сектор, следов не обнаружили. Значит, конники уходили куда-то влево, в сторону от реки, и Михалыч распорядился:

— Там внизу есть ещё одна тропа, пошли к ней, а то эта — непонятно куда уведёт.

Как выяснится позже, это решение оказалось роковой ошибкой! У избы должен был стоять щит с надписью: «ХОДА НЕТ» и перечёркнутой стрелкой, запрещающей движение вниз по Чебдарскому ущелью. Почему щит в тот момент отсутствовал — неизвестно.

Внизу действительно просматривается тропка, по которой мы и отправляемся. Оля Черновверская находит черемшу, и группа приостанавливается. Продуктов остаётся всего ничего, и мы собираем побольше черемши.

Часа через полтора встаём на ночёвку в шикарном месте. Спелеологи достают пакет, на котором написано: «Вскрыть в последний день похода». Этот пакет ребятам вручили друзья на вокзале в Новосибирске перед отходом поезда. В пакете оказались шоколадные конфеты и записка с поздравлением по случаю окончания путешествия.

Отдых был безмятежен — завтра будем в жилухе.

— Так, значит, Михалыч, совсем немного осталось? — с глазу на глаз спрашиваю я у руководителя.

— Может быть не так уж близко, — отвечает Филиппов, — если всё рядом, зачем тогда лабаз?

Я залез в палатку и провалился в сон, глубокий, как бездонный колодец. Никаких смутных предчувствий у меня не было, впрочем, как и полной уверенности, что скоро мы дойдём до посёлка. Ясно было одно: завтрашний день должен стать последним днём похода. За ним — контрольный срок.

21 мая 1978 года

Завтрак в этот раз был необычный. Не суп, не каша, а... компот из оставшихся сухофруктов и черемша с аджикой. Заварили также остатки чая, который пили без сахара. Сухари закончились вчера.

Подкрепившись таким образом, мы двинулись дальше. Часа через два пришлось лезть в ледяную воду и, с трудом преодолевая течение, перебираться на правый берег Чебдара. Ещё через некоторое время — снова на левый. Мощные прижимы по обоим берегам тормозили наше продвижение.

На обед мы остановились, пройдя слишком уж мало. С целью экономии времени костёр решили не разводиться. В НЗ оставалась копчёная колбаса, которую нёс Пром. Дежурный разрезал её на семнадцать частей, и каждый по очереди тащил свой кусок из Серёгиного мешка. Скучно.

Мишка Мельников ушёл на разведку, остальные же разбрелись неподалёку, собирая подножный корм.

— Послушай, — тихо обратился ко мне необычно хмурый Ульянов, — ты берёзовую кашу умеешь готовить? Нет? Так вот! Я тоже не умею! Хреновато...

— Где-то читал, что можно есть молодые еловые шишки, вон их здесь сколько, — сказал я и сорвал одну из них. Шишка представлялась вполне съедобной. Пром задумался, тоже жуя шишку.

— А силки ты умеешь ставить? — спросил он, — ... Я тоже не умею.

Вернувшийся из разведки Мишка сообщил, что дальше всё так же, можно больше и не смотреть, а надо подняться повыше, там есть тропа.

— Мощная? — спросил Михалыч.

— В общем нормальная, — ответил Мишка, — идти можно.

Мы поднялись повыше. Там и вправду была тропка. Мельче, чем человечья, но крупнее, чем козья — не поймёшь чья.

— Ты знаешь, — поделилась со мной Оля Черновверская, — ничему я так не рада, как этой тропе.

Однако, тропа постепенно сходит на нет, а склон становится всё более крутым. В конце концов, Жутяйкин вызывается разведать, что там внизу, а мы продолжаем идти по склону, пока тот не становится совершенно непригодным для ходьбы.

Мы приостанавливаемся и начинаем орать о своём местонахождении Жутяйкину, который куда-то испарился. Подождав его в течение часа и, едва не надорвав глотки, спускаемся к реке. Но Володи не оказалось и там. Где же он?!

Снова горланим — никакого ответа. Уйти назад он не мог. Значит, либо удрал вперёд, либо стал подниматься наверх и разошёлся с нами. Двинулись по береговой кромке, рассчитывая ждать его где-нибудь внизу — всё-таки место более открытое.

Река делает небольшой изгиб, и, пройдя его, мы видим столб дыма. Это Володя Жутяйкин у очередного прижима сигналил нам о своём присутствии. Здесь и останавливаемся. Выясняется, что он тоже нам кричал, но из-за поворота ничего не было слышно.

Филиппов достаёт схему и, надув щёки и сложив губы трубочкой, смотрит на неё, покачивая головой.

— Ты туда сможешь залезть? — спрашивает он меня, кивая на очень крутой, почти отвесный склон.

— Смогу, — отвечаю я и тут же лезу.

Забравшись на самый верх, вижу, что за поворотом ничего хорошего нет.

Препятствие мы обошли, поднявшись повыше, затем спустились к реке. В полукилометре от нас виднелся ещё более мощный прижим. Пришлось таким же образом преодолевать и его.

Солнце уже почти село, когда, пройдя ещё немного, мы упираемся в очередную стену. Делать нечего — встаём на ночёвку. В одном котле варим крапиву, в другом — смородиновый лист. Из взятых в поход продуктов остаётся только аджика.

А через три часа закончится контрольный срок...

22 мая 1978 года

Зашкалили! Задержка на маршруте, казавшаяся преступлением, теперь стала реальностью.

— Наверно, нас уже ищут... — произносит Беляев, когда, преодолев прижим, мы двинулись дальше.

— Да вряд ли... — отвечает Филиппов, — Завтра точно будут искать, но сегодня мы должны дойти, — уверенно добавляет он.

Очередной прижим преодолеваем впрямую: навешиваем перила и пролезаем по нему со страховкой. На это уходит много времени. Но потом, опять же с верёвкой, приходится лезть в лоб вверх. Забираемся повыше, но и тут идти очень сложно. И мы продвигаемся осторожно и медленно...

— Что там? — тревожно спросил Беляев, почувствовав что-то неладное сзади себя. Это, не удержавшись на крутизне, сорвалась Оля Черноверская. Счастье, что падать здесь оказалось не далеко.

— Оля! Что с тобой?! — крикнула Света Курбакова. Та не отвечала.

— Подождите! — сказал Филиппов, — У неё шок, она головой ударилась!

Ольга сидела значительно ниже нас на камне у приточка, льющегося почти водопадом вниз, и молчала.

— Оля-я! — позвала Вера Хвоина, — Как ты?!

— Ну, не видишь что ли? — откликнулась, наконец, Оля, — ну... живая...

Прошло ещё некоторое время, пока мужественная Ольга, собравшись с силами, и, привязав к себе булином сброшенную ей верёвку, не выползла к нам. На её лице обнаружились страшные синяки.

Кажется, Оля Черноверская впервые в походе, но видно, что человек она очень добросовестный.

Весьма осторожно поднимаемся по крутяку ещё выше, потом ещё. Появляется маленькая тропка, явно не человеческая, но всё же по ней худо-бедно можно продвигаться.

Я иду замыкающим, поедая по пути горный чеснок. В одном месте попадается ревень. Собрав его, складываю в кармашек рюкзака. Во рту ощущаю сильное жжение, позже выяснится, что вместо чеснока мне где-то подвернулся ирис.

Увидев чабрец, съедаю два стебелька и чувствую некоторое облегчение. Быстро догнав участников, вижу, что все, приостановившись, щиплют и едят траву. Заметив приличный островок ревеня, снова останавливаюсь.

Группа наискосок медленно спускается вниз...

Интересно, какие ещё травы съедобны? Вчера я попробовал стебельки цветка бадана. Сами-то зелёные листья бадана ядовиты, а вот эти стебельки оказались сладкими, по вкусу напоминающими ранетку.

Это было своеобразным открытием, и сегодня многие, убедившись, что мне хуже не стало, обрывают эти стебельки и едят.

Выйдя к группе, я увидел сурового Прома с топором в руке, встревоженные лица спутников. На Верке вообще лица не было.

— Не уходите, не уходите отсюда!!! — истерическим голосом кричала она.

— Топтыгин пожаловал! — поясняет Пром.

По словам Веры, медведь проскочил от неё настолько близко, что она «видела только его зубы».

Ульянов рассказал мне, что произошло. Молоденький медведь неожиданно выкатился на группу. Перепугавшись, наверно, не меньше людей и не зная куда деваться, он ринулся в сторону Жутяйкина, который в этот момент шёл почему-то с гитарой на животе. Володя упал прямо на гитару, а медведь, полуперескачив, полуперекатившись через него, скрылся в кустах. (Другой бы гордился такой близкой встречей с хозяином тайги, но Жутяйкин почему-то каждый раз хмурился, когда ему напоминали: «А помнишь, как через тебя медведь перепрыгнул?!»)

По береговой кромке продвигаться становится легче. Группа растягивается. Река делает крутой изгиб. Передние останавливаются. Михалыч достаёт схему и, взглянув на неё, радостно и удивлённо произносит:

— Пришли!

К нему подскакивает Мельников, смотрит на карту и улыбается: за поворотом должна быть долгожданная развязка.

— Башкаус! — несколько раз возбуждённо повторяет Мишка.

Преждевременная уверенность руководителя передаётся всем. Но это оказывается подвохом. Очень скоро выясняется, что вместо обещанного слияния рек впереди нас ожидает узкий каньон с двойным поворотом русла — труба. С обоих берегов нависают могучие отвесные скалы.

Трое со страховкой прошли вброд, натянув перила, с помощью которых переправились остальные. И мы начали буквально скрестись, другого слова не подберёшь, по правому берегу Чебдара.

Я отправился первым. Не без труда пролез по почти отвесной скале, крикнув остальным, чтобы шли выше, потому что здесь довольно опасно.

Филиппов умудрился пройти прямо по кромке воды, держась за стену, у него на этот случай имелись болотные сапоги. Я догнал Михалыча, и мы стали ждать остальных. Спустя некоторое время появился Андрей Изотов. Он продвигался точно по моему пути, видимо не расслышав предостережение.

— Когда он упадёт, будем ловить его здесь, — говорит мне Филиппов, показывая на сильную струю между двух огромных камней.

Но Андрей не упал. Тяжело отдуваясь и топорща усы, он проделал мой путь. На то, чтобы дождаться остальных, которые полезли выше, по более безопасному пути, пришлось потратить целый час.

Брод. Затем ещё брод.

А дальше я попал в чрезвычайную ситуацию, о чём в походе никто так и не узнал.

Я лез первым, без страховки пересекая прижим и не замечая, что уже сильно оторвался от группы, которая меня не видит.

Над водой — не менее тридцати метров, подо мной — отрицаловка, а скала, которую пересекаю, становится всё более гладкой.

Шаг, ещё шаг. Стена не кончается.

Вот уже и зацепиться не за что.

Стоп!

Назад.

Не тут-то было! Едва захотел развернуться, как рюкзак меня потянул книзу.

Гляжу вниз и вижу под собой бушующую реку, камни.

Ещё одна попытка развернуться. И вдруг понимаю, что никакого манёвра тут не предпримешь. Здесь бы с верхней страховочкой да без рюкзака сделать маятник, но я нахожусь один на один со стеной, без верёвок и с рюкзаком за спиной.

Освободиться от рюкзака?! Продуктов там уже нет. Но оказывается, что и руки-то оторвать нельзя. Сбросить рюкзак, означает — неминуемо лететь вслед за ним.

Представьте, что Вы находитесь на крыше десятиэтажного дома, который внезапно начинает рушиться. Есть выбор: падать вместе с домом, либо прыгать вниз, что в принципе одно и то же. Вот примерно такие ощущения я и испытал.

Животный ужас разлился по каждой клеточке моего тела, и я сделал то, что вряд ли когда-нибудь смогу повторить. Едва мысленно не прощаясь с жизнью и ругая себя последними словами, полез вертикально вверх.

Подтягиваясь на пальцах за микроскопические уступчики, я перелез-таки через отрицательную шишку.

«Не расслабляться! Только не расслабляться!» — твержу про себя, когда самое опасное место осталось позади. И вот уже со скоростью велосипеда лезу и лезу вверх, где чуточку положе, но всё равно очень круто.

Фу! Кажется, пронесло! Неужели выбрался?! Моим спасителем был животный ужас, а вот паника меня бы погубила, это точно!

Останавливаюсь. Колени ходят ходуном. И тут вижу, что Мельников ползёт по склону сзади и выше меня метров на пятьдесят. За ним крайне осторожно продвигаются остальные.

Наконец–то мы миновали эту проклятую трубу. Сколько же на неё ушло времени и сил! Однако за трубой по правому берегу идти невозможно. Очень скоро упираемся в длинный, корявый, почти отвесный прижим.

Тройка — Дерябин, Мельников и Изотов с верёвкой медленно, с громадным напряжением пересекает реку. Затаив дыхание, все наблюдают за ними, но всё заканчивается благополучно. Остальные переходят, пристраховавшись репшурами к натянутой верёвке.

Снимая перила, я прохожу с шестом последним «на усах». Это означает, что с противоположного берега меня страхуют двумя верёвками под углом сорок пять градусов.

Попав в струю, искупался с головой, но холода не почувствовал. С противоположного берега меня тянут с такой силой, что буквально поднимают на ноги.

Итак, Чебдар больше пересекать нельзя. Остаётся один путь — по левому берегу. Проходим немного, и снова приходится лезть вверх, чтобы обойти очередные откосы.

Дальше первым отправился Мельников и, видимо, попав в ситуацию аналогичную моей, был вынужден сбросить рюкзак. Рюкзак, по его последующему рассказу, сначала полетел, потом покатился и остановился на камне у воды. Подбежать к нему Мишка не успел, рюкзак отцепило от камня и понесло по течению. Мельников ринулся за ним по берегу, лезть в бешеную реку было немыслимо.

Мы шли по пути Мишки пока не упёрлись в гладкую скалу, отвесно уходящую в воду. Где же Мельников? Чтобы обойти верхом, ему пришлось бы вернуться назад. В реку что ли он прыгнул? Минут десять стояли, сбросив полупустые рюкзаки и озадаченно глядя вперёд и вверх.

— Может, я поднимусь вон там и посмотрю с высоты? — предлагаю я Филиппову, показывая на массивный скальный выход.

— Иди, только не сорвись, — почти безразлично отвечает тот.

С величайшей осторожностью я лезу по почти отвесному тридцатиметровому углу с хорошими уступами и забираюсь на самый верх скалы. Никого не видно. Прохожу по краю обрыва и наконец вижу далеко внизу едва различимую береговую кромку. Останавливаюсь, раздумывая, спускаться туда или нет. Смотрю вперёд. Река, плавно изгибаясь, поворачивает налево, Мельникова нигде не видно.

Вдруг издалека снизу слышится чей–то крик.

— Уплы–ы–ыл! — кричит неведомо откуда появившийся Мишка, заметив меня на скале.

— А что у тебя в рука–ах?

— Пала–а–атка, — с трудом распознаю его голос.

По словам Михаила, палатку оторвало от рюкзака и прибило к берегу. Вместе с рюкзаком уплыли остатки шоколада, сэкономленные на последнем перевале, железнодорожные и

автобусные билеты, которые нам по возвращении должны были оплатить, и деньги нашей группы на обратную дорогу.

Как же теперь мы будем добираться домой?!...

Когда все собрались под скалой, неожиданно пошёл дождь. Достав большой кусок полиэтилена, укрылись. Здесь же обнаружилось, что гитара, на которую упал Жутяйкин, спасаясь от медведя, разбита, а единственная, оставшаяся «в живых», дала трещину. Михалыч, выслушав меня и Мишку на предмет «что там впереди», принимает решение: искать место для ночёвки, как только прекратится дождь.

Когда дождь почти закончился, и мы готовы были сбросить полиэтилен, Мельников полез на разведку и... спустил на нас камни. Рядом со мной раздался глухой удар. Это на голову Сергея Дерябина свалился камень величиной с кулак.

Дерябин вскочил.

— А-а-а-а!!! — заорал он, — Мишка-а-а-а!!! Дура-а-ак!!!

Но Мишка уже ничего не слышал, а Сергей от удара изогнулся назад крючком и упал бы затылком на камни, если бы я его не подхватил. Мгновенно появились аптечка и бинты.

— Ну, как? Больно? — спрашивает Оля.

— Нет, ничего... — отзывается Дерябин, пока Черноверская перевязывает ему голову, — просто болеть будет, а так ничего страшного.

Для ночёвки нормального места не нашлось. Пришлось ставить палатки прямо на камнях...

Андрюшка Ефименко осторожно предложил:

— Давайте не ругать сегодня Мишку, он и так уже... наверно...

На костре красиво догорает разбитая банка гитары. Появляется Мельников и сообщает, что там дальше за поворотом всё то же самое.

— А это что? — спрашивает он, взглянув на перевязанного Сергея. Ему тактично объясняют, в чём дело, а Дерябин даже говорит:

— Да ничего, пустяки...

А погода, похоже, начнёт портиться, ощущается какая-то гнетущая атмосфера. Всю ночь меня мучает тяжёлый сон: палатка движется по маршруту по камням, бурелому... Неудобно, неуютно, мучительно...

23 мая 1978 года

— Никому не казалось, что палатка движется? — спросила за завтраком Света Курбакова. Я от удивления дёрнулся. Потом последовало всеобщее изумление.

В эту ночь все видели один и тот же сон...

А днём я ощутил, что силы стали не те. Всё так же светило солнышко, весна уступала дорогу лету, только вот для молодых людей, идущих по труднопроходимой тайге, майский подножный корм был явно недостаточен. Несмотря на то, что опасности продолжали оставаться опасностями, к ним постепенно нарастала какая-то апатия. Например, мы реже стали применять страховку. И всё же, чтобы спуститься по сыпучему рыхлому отвесному склону, верёвкой пришлось воспользоваться.

Я полез первым, и когда до низа оставалось метра четыре, почувствовал лёгкий удар по косточке, что находится немного ниже левого виска. Не придав этому значения, полез дальше, но почему-то ослабли руки. Мой спуск из «по-спортивному» перешёл в спуск «лазаньем». Похоже, верёвка сбила маленький камешек, который метров с тридцати выстрелил в меня сверху.

Спустившись, глянул вверх, где копошились Пром и Жутяйкин, и едва не упал, так потемнело в глазах. Машинально прижав левую руку к виску, ощутил липкую кровь. Пошёл по берегу, чувствуя безразличие и тоскливую усталость. Пройдя с полкилометра, я оглянулся, никого не увидел, присел на камень и как-то забылся.

— Борька, ты что?! — услышал вскрик и встрепенулся. Передо мной стояла Оля Черноверская.

— Да царапнуло вроде.

— Ой, да у тебя кровь! — тихо воскликнула она, доставая аптечку.

Я вытащил свой компас и посмотрел в его зеркальце, но ничего не увидел. Зеркальный визир был мутный...

— Михалыч! Надо подниматься наверх и идти верхами, иначе мы тут... поубиваем друг друга, — предлагаю я руководителю, когда все участники собрались вместе.

— Или вернуться назад к избам и идти по тропе, — убеждённо добавляет Лёша Шуркевич.

...Та тропа, как выяснилось позже, являлась кратчайшим и совершенно безопасным путём от устья реки Самурлу до плановой тропы 77 маршрута в верховье реки Караган.

— Ну, в принципе, так и сделаем, если прижимы не будут кончаться или капитально упрёмся, — спокойно соглашается Филиппов, — по идее, они вот-вот должны кончиться, — добавляет он. Никто не возражает.

Какова же была наша радость, когда, преодолев очередную преграду, мы увидели, что впереди путь свободен! Лишь далеко-далеко виднеется что-то очень большое, как гора.

Сегодня нас наверняка уже ищут... Контрольный срок кончился позавчера. Тогда же мы стали переходить на крапиву, саранку, черемшу. Вообще же, продукты начали растягивать ещё раньше. Постоянно хотелось есть...

А сейчас проморосил дождик, и мы остановились на обед. Подойдя к шедшим впереди ребятам, я увидел, что они сгрудились в кучу и чем-то заняты.

— Что у вас там? — спрашиваю я и к своему восторгу слышу:

— Рябчика подбили!

— А кто?

— Я! — сказал Жутяйкин.

— Во, молодец!

— Тише, ты! — непонятно кого ругнула Света, — с мясом не выщипывай!

И вот рябчик, мелко порезанный, варится в котелке с крапивой. В это время Андрей Изотов уходит на разведку. Обед уже готов, а Изотов всё не возвращается. Кто-то из участников начинает бухтеть, но остальные довольны передышкой.

Андрей появляется через полчаса вспотевший и радостный. В руке, прижимая к груди, он держит свою коричневую шерстяную шапочку. «Наверно, принёс птичьи яйца...» — мелькает у меня мысль. Но он принёс не еду, а хорошее известие.

— Впереди такая же дорога, прижимов нет, широкая береговая кромка — метров тридцать, а за горой должен быть поворот и слияние Чебдара с Башкаусом.

Все повеселели.

В похлёбке мне попался кусочек «рябчика».

— Вот это супчик! — говорит Андрей Изотов, вытирая усы, — А мне бы сейчас табачку, и больше вообще ничего не надо...

— Давайте-ка, я вас сфотографирую, — предлагает Лёша, обращаясь ко мне и Дерябину. Обнявшись, словно раненые солдаты после боя, с перевязанными головами, мы с Серёгой встаём перед фотообъективом.

— А теперь со мной! — вдруг требует Женя Беляев, и мы фотографируемся втроём.

— Знаете, что мы ели? — свидетельствует Ульянов, — ворону!

Особых эмоций это не вызывает, только Беляев обращается к Михалычу:

— А ворон едят?

— Едят всё, — назидательно отвечает руководитель. Потом выясняется, что ворону не подбили, а подобрали дохлую в луже. Кстати, попавшийся в супе кусочек вороны, никакого ощущения дохлятины не вызывал.

Наскоро поев, двинулись дальше.

Первым пошёл Андрей Изотов.

Замшелая, мелкокаменистая кромка берега Чебдара постепенно переходит в крупную осыпь. Гигантские валуны, мокрые и блестящие от дождя, беспорядочно лежат от стены ущелья слева до самой реки справа. Группа сильно растягивается. В этот раз я оказываюсь где-то посередине, причём в полном одиночестве.

Последние дни сложились для меня не совсем удачно. Мало того, что траванулся незнакомой травой, ещё и стукнуло камушком, хорошо, что удачно — скользом. Голода не ощущалось, хотя ели мы крайне мало, в основном — зелень. А вот сил явно поубавилось.

С одной стороны, появление более лёгкого и неопасного пути взбодрило, с другой — по крайней мере, на себе, я чувствовал явную расслабуху. Не требовалось теперь ежеминутно мобилизовываться на преодоление опасных препятствий.

Солнце уже начинало клониться к западу, но не было ни малейшего признака ветра. Только река неравномерно грохотала по камням, преодолевая пороги. Где-то далеко сзади шли Филиппов, Шуркевич и другие. Меня никто не догонял, и я не торопился. Появилась возможность спокойно поразмышлять.

Что там за поворотом? Неужели, опять не то! И что это всё-таки за река, около которой мы идём? Дьявольская какая-то речка! Сроду таких не видел. Неужели кроме нас здесь кто-то бывает?

К моим девятнадцати годам — это четвёртое серьёзное путешествие по горам. Но таких приключений ещё не было.

На небе нет ни единого облачка. Солнце где-то сзади нас, с юго-запада освещает негостеприимное ущелье...

А ведь мы уже за пределами контрольного срока! Нас ищут спасатели! Раньше слышал про подобные истории, но совсем не предполагал, что такое может произойти и с нами...

Мои размышления прерывает Женя Беляев, который стоит, скинув рюкзак, и отчаянно машет руками.

— Кидай рюкзак!!! — кричит он сбивчиво и напряжённо, — говорят, Андрея придавило...

Я ринулся вперёд, не снимая рюкзака. Какого Андрея? У нас, их двое. Чем придавило?! Через два десятка секунд насканиваю на Верку Хвоину.

— Скорее!!! Скорее!!! Андрея придавило!!! — кричит Верка совершенно истерическим голосом, на глазах — слёзы.

— Где!!!

Скинув рюкзак, рванулся туда, где стоят Света Курбакова и Володя Жутяйкин. Слёзы текут по их щекам.

Совсем рядом, между гигантскими камнями отчаянно копошатся четверо: Дерябин, Аляев, Коботов и Мельников. Я бросаюсь к ним, поскользываясь на мокром камне и разбивая коленку.

Промежутки между глыбами образовали большую наклонную яму. На дне ямы ребята пытаются приподнять плоскую глыбу, размером с письменный стол, под которой, — о ужас! — лежит Андрей Изотов. С одной стороны торчат ботинки, с другой — голова. Андрей не подаёт признаков жизни. Позже я узнал, что первым участникам, подбежавшим к каменной ловушке, он успел крикнуть:

— Уберите его! Уберите его! ...Всё, мужики...

Глыба по диаметру оказывается лишь немного меньше ямы, и для пятого человека там не хватает места. Что делать?

— Ищи палку! — кричит снизу Ардальоныч.

Глянув по сторонам, я увидел довольно мощный плавниковый ствол. Едва не сбив Беляева, который стоял рядом, как вкопанный, добежал до ствола, схватил его и ринулся обратно к каменной ловушке.

Напрягая все силы, готовые грызть эти камни, мы действуем этим стволом как рычагом, чтобы приподнять глыбу. Внизу ребята орудуют короткой дубинкой.

Появляется Филиппов. Он внимательно смотрит вниз, где в этот момент ребята отрезают лямки Андреевого рюкзака. Мне же кажется, что камень, на котором стоит Филиппов, дрогнул, готовый съехать и замуравать каменную ловушку вместе с людьми.

— Михалыч! — ору я не своим голосом, — долой с камня!!!

Тот поспешно спрыгивает.

Наконец удаётся приподнять глыбу, весящую, однако, не менее тонны, и парни на руках выносят Андрея из каменной ловушки. Голова его бессильно болтается. Кажется, он в сознании и сейчас что-нибудь скажет.

— Пульс?!

— Нету!

Искусственное дыхание.

Закрытый массаж сердца явно неумело делает Филиппов.

Ещё раз.

Ещё и ещё раз.

Тяжёлое это дело — искусственное дыхание.

— Пульс?!

— Нету!

Меняемся часто. Из мужиков не все могут делать искусственное дыхание. Из девушек делает его только Ольга Черноверская.

Появляется Лена Шибаева:

— Мы нашли место для палаток.

Филиппов:

— Ставьте. Разводите костёр.

Новиков:

— Где палатка? Я поставлю!

Глаза у Кадета бешеные. Что у него на уме?

Коботов:

— Борька, следующий ты!

Меня сменяет Аляев.

Я:

— Михалыч! Давай тоже, а то мы скоро выдохнемся!

Михалыча на массаже сменяет Шуркевич, но Филиппов, сделав несколько вдуваний, бросает и не может отдышаться.

Я бегу за Кадетом и едва не натыкаюсь на него.

Кадет (через каждое слово — мат):

— Где они тут ... нашли место для палатки. Нет тут ни ...

Я:

— Иди, смени кого-нибудь. Я поставлю палатку.

Кадет:

— Я палатку ставлю, понимаешь!!! Палатку!

Я:

— Иди, смени кого–нибудь. Там устали!

Кадет:

— Я палатку ставлю! Надо ставить палатку!

Приходится перейти на его язык:

— ...твою мать! Давай палатку! Иди ко всем!..

В глазах у Новикова слегка проясняется:

— Тьфу! Чёрт с тобой!..

Швыряет палатку и странной походкой идёт назад. Подбираю палатку. Появляются Света и Лена.

Я:

— Где вы нашли место?

Лена:

— А вон там (показывает вверх на обрыв, над которым оказывается замаскированная терраска, лучше места не придумаешь).

Я:

— Сами — поставите? (Делая ударение на втором слове)

Лена:

— Конечно, поставим.

Передаю палатку, возвращаюсь к ребятам и сменяю Кадета на искусственном дыхании. Голова Андрея лежит вплотную к коленям Верки. Он по–прежнему не проявляет признаков жизни.

Я (Беляеву):

— Женя! Давай тоже.

Беляев:

— Нет, нет! Не могу!

Я:

— Почему?

Филиппов:

— Оставь его. Его блевать тянет.

Нащупываю пульс и обманываюсь. Пульсацию кончиков моих пальцев я принимаю за пробуждение пульса у Андрея:

— Есть!

— Нет, нету...

Прошло два часа.

Филиппов:

— Ну, что! Дальше бесполезно...

Я:

— Лена! А помнишь, мы с тобой читали...?

Лена:

— Да-да! Надо делать и делать!

Филиппов (Шибасевой):

— Палатки поставили?

Лена:

— Да. Света вешает котелки.

...Спустя минут сорок...

Филиппов бросает делать массаж. Стоит спиной к нам, прислонившись к громадному камню, положив лицо на руки. Плечи вздрагивают.

Я (Шуркевичу):

— Лёша! Массаж!

Лёша делает массаж, я — искусственное дыхание.

Я (Коботову):

— Ардальоныч! Давай ещё!

Снова и снова пытаемся оживить Андрея.

Филиппов сидит на камне. Задумался. Глаза сухие.

Я:

— Михалыч! Лоб холодный и руки...

Филиппов:

— Ничего лучшего не мог принести?..

...Спустя три часа после начала попыток оживить Андрея.

Конечности холодные. Весь холодный.

Смерть.

Андрей Изотов мёртв. Ничто в мире уже не может его спасти.

Много позже Кадет мне объяснил, что у него в тот момент в голове что-то сдвинулось. Он шёл с палаткой в руке с единственной мыслью: «Для чего мне всё это нужно?! Связался я с ними! Поставлю палатку и уйду. Зачем они мне?..» А в это время — ты с какой-то ерундой... «Сейчас-то ты понимаешь, что я правильно вмешался?» — спросил тогда я. «Ну, сейчас-то, конечно, всё понятно,» — честно ответил Кадет.

Пока я ругался с Кадетом, Ульянов, Дерябин и Мельников с разрешения руководителя отправились вниз по ущелью. Их задача состояла в том, чтобы как можно скорее сообщить спасателям о нас. О трагическом исходе парни, конечно, ещё не знали. Когда, передав палатку Лене со Светой, возвращался к группе, я увидел гонцов. Они быстро шагали с лёгкими рюкзаками, вглядываясь далеко вперёд.

...А, когда мы завернули мёртвого Андрея в спальный мешок, кажется, силы меня оставили. Заметив это, Лёша Шуркевич пришел на смену, помогая нести тело погибшего товарища. Потом кто-то спросил:

— А где Андрюшка Ефименко?

Посмотрели, его и вправду среди нас нет.

Вперёд вышел Шуркевич:

— Как только Андрея Изотова завалило, Ефименко побежал вперёд, сказав, что помчался к людям за помощью.

Все встрепенулись.

— И ты что же, не мог его задержать?! — с угрозой в голосе спрашивает Жутяйкин.

— Я пытался, но не смог, — оправдывается Шуркевич.

— Стойте, стойте, — вмешивается Филиппов, — ну-ка, расскажи по порядку, как всё было?

Выслушав Лёшу, Михалыч плюнул с досадой:

— Тьфу ты. Этого ещё не хватало!.. Ну, ладно... может, вернётся. И добавил, показывая на мёртвого Андрея:

— Его мы сейчас завернём в полиэтилен, а завтра обмыть, что ли надо... Сейчас попьём чаю и будем располагаться. Обо всём завтра...

Совсем рядом с палатками, где весенние ручьи и ветры образовали в корнях старого кедра подобие грота, уложили мы завёрнутое в спальный мешок и полиэтилен тело Андрея.

Молча сидели у костра. Зачем-то кипятили воду в двух котелках. В поздних сумерках зашумел ветер, чёрные тучи заволокли небо, начал моросить дождь. Стало совсем темно.

Вдруг снизу из темноты, со стороны места гибели Андрея Изотова через толщу густой измороси донёлся слабый крик. Все разом дернулись, как от удара электрическим током. Что это??!

— Это парни вернулись — там нельзя пройти! — неестественным голосом проговорила Света.

Однако это оказался Андрей Ефименко.

— Ну, рассказывай, — потребовал Филиппов, когда Андрюшка отдышался и напился смородинового отвара, — что там впереди?

— Там через несколько километров прижим здоровенный, как гора. Я полез наверх, потом еле-еле спустился обратно.

— А парней видел?

— Да. Они там расстелили полиэтилен в расщелине и укладывались на ночёвку.

— Так. Ясно. А ты зачем пошёл?

— Я думал, жильё близко. Побежал за помощью.

На этом разговор закончился. Мы разошлись по палаткам.

Но один из нас остался лежать на свежем воздухе. Непогода, дождь, ветер ему были нипочём. Он был мёртв.

24 мая 1978 года

С утра светит солнце, но рваные тучи тревожно бороздят небо.

— Все здесь? — спрашивает Филиппов, когда «чай» уже готов, а крапива доваривается во втором котелке, — Тогда слушайте. И ты тоже слушай! — повторяет он кому-то.

— Ну, в принципе, мы попали в аварийную ситуацию. Трое может быть уже дошли, а может, нет. Никто не знает. Они пошли сообщать спасателям... Нам нужно находиться здесь. Всем вместе. Ещё неизвестно, Чебдар это... или что-то другое, но места, сами видите здесь какие. Поэтому — никуда не расходиться! В тайге точно никого не найдут, а здесь нас, может быть, найдут, — подчеркивает Филиппов, делая упор на словах «может быть».

— А сейчас будем рубить лапник... побольше, чтобы в случае вертолѐта надымить по сильнее. Девушки пусть идут искать ремень, или, что ещё там попадѐтся, — заканчивает руководитель.

Вскоре нам пришлось попрятаться в палатки. Тучи заволокли всё небо, и на землю обрушился сильнейший ливень, который стих только к вечеру.

Затем упал густой туман. Такой плотный, что наша маленькая терраска казалась плавающей в воздухе. Ясно, что спасательский вертолѐт в такую погоду не взлетит. К тому же мы сидели в стороне от маршрута.

Только поздно вечером дождь прекратился полностью, но небо оставалось затянутым тучами. Сыро и холодно.

Ночью я проснулся от мрачной симфонии завывающего ветра и стонущих деревьев. В зловещем грохоте реки угадывалось какое-то гоготанье и улюлюканье.

В шуме горной реки ночью можно услышать всё, что хочешь, стоит только прислушаться!» — вспомнил я чьи-то слова... Разгулявшаяся стихия ликовала, празднуя победу над человеком.

25 мая 1978 года

Пасмурно. Дождь будто на взводе: вот-вот пойдѐт. Суп из крапивы невкусный, как и чай из смородинового листа без сахара. С трудом заставляю себя хлебать это «блюдо», только Лена мужественно съедает полную миску.

Заморосило. Расползаемся по палаткам. Подхожу к мѐртвому Андрею Изотову. Это был третий наш совместный поход. Андрей учил меня играть на гитаре. Жили в одной общаге.

Окрылённый результатом своей разведки, Андрей быстро шѐл первым, казалось, по безопасному пути. Внезапно поскользнувшись, он, чтобы не упасть в промежуток между мокрых гигантских камней, схватился за попавшую под руки плоскую глыбу. Глыба вмиг сползла, подмяв Андрея под себя, и они вместе очутились на дне тесной наклонной ямы. Камень — сверху, человек — снизу.

— Уберите его! Уберите его! ...Всѐ, мужики...

Вопреки очевидному факту не могу поверить, что передо мной труп товарища. Удивляюсь сам себе...

А в палатке царит оживление. Кто-то взял в поход книжку — современную иностранную фантастику о будущем нашей планеты, о войне миров. Мне же кажется, что эта книга пессимистична и внушает какое-то вечное несчастье.

Чтение отвлекает всех от случившегося. Слушаем рассказчика жадно. Лишь Света и Лёша спят по разные сторонам палатки.

— А может кто-нибудь ещё расскажет? — спрашивает Вера. Я вспоминаю детектив Льва Шейнина «Последняя ночь», затем приключения Робинзона Крузо... Потом кто-то обращается к Филиппову:

— Вас теперь судить, наверно, будут?

— Будут, — уверенно отвечает тот, — но должны оправдать, ведь я его непосредственно туда не посылал.

Наговорившись, стали заниматься каждый своим делом. Взяв у Жутяйкина ремнабор, я начал из двух сломанных гитар и некоторых частей третьей гитары собирать одну. Увлёкся. Стало что-то получаться. Наконец, поставив гриф, решил вылезти из палатки.

Посмотрел на небо, тучи вроде бы начали расходиться. Снова взялся за гитару. Время тянулось медленно. Вскоре пошёл дождь.

Ночью вновь разыгралась непогода. А мне представилась такая картина. Каменная ловушка находится в исходном состоянии. Ждёт следующую жертву...

26 мая 1978 года

Унылый дождь. Когда он временно прекращается, вылезаем из палаток. Лениво двигаясь, мы смотрим на реку, на небо, на хмурое ущелье.

Вдруг кто-то дико заорал:

— Вертолёт!!!

Все замерли и стали прислушиваться, глядя в небо. Нет никакого вертолёта. Это, наверно, так шумит река.

Где сейчас Дерябин, Мельников и Ульянов? Последним, кто их видел, был Андрей Ефименко, когда они, по его словам, устраивались в скальной расщелине на ночёвку три с лишним дня назад. Ни слуху, ни духу.

— Интересно, где это сейчас мужики? — подхватывая мою мысль, говорит Жутяйкин.

— А вдруг их уже нет в живых? — неожиданно предполагает Вера.

— Ну, почему обязательно так?! — раздражённо отвечает Михалыч, — Идут, наверно...

— А если кто-нибудь из них ногу сломал, и они встали?

Филиппов на мгновение задумался и вдруг осерчал:

— Что такое?! Где мужики, мы не знаем, и нечего гадать на кофейной гуще! Нам нужно двигаться, работать нужно! Почему нет дров у костра? Почему не идёте за саранкой? Я что, нянька у вас что ли?!

Из палатки выглянул Аляев и тут же снова исчез. В руках он держал блокнотик и карандаш.

Михалыч ещё немного поругался, а тем временем Ефименко, Коботов и я пошли искать съедобные корешки. Довольно быстро мы нашли несколько больших сочных саранок и заметно повеселели.

— Ну, что, Боря, прибавилось у тебя сил? — спрашивает Ардальоныч.

— Ага! — отвечаю я и вижу, как округляются глаза у Андрюшки. Не сводя зачарованных глаз с вороны, сидевшей на дереве ниже нас по склону, он нащупал камешек и, швырнув его в птицу, присел. Ворона находилась близко, но камень, пролетев сантиметрах в десяти от неё, лишь вспугнул пернатую особу, которая улетела, не доставшись нам на жаркое. Вот досада!

Вернувшись к палаткам, мы узнаём, что Филиппов, Жутяйкин и Новиков, прихватив топор и собрав вкладыши из спальников, поскреблись наверх, чтобы расчистить площадку для вертолётки и растянуть на ней знак бедствия. Если нас будут искать, то наверняка с вертолётки этот белый крест заметят.

— Зайди на минуточку, — слышу я из палатки голос Верки и залезаю к ней.

— Слушай, ты веришь, что нас найдут? — смущает меня Вера вопросом.

— Конечно, найдут! — невольно вырывается у меня. Я слегка обнял Верку, и она виновато улыбнулась.

Я не кривил душой, когда выразил уверенность в нашем спасении, ведь мы сидели где-то не далеко от нитки заявленного маршрута. Отчётливо представляю, как спасатели, пролетев над всем маршрутом и не найдя группу, будут делать радиальные вылеты и, в конце концов, на нас наткнутся.

Уже темнело, когда тройка вернулась. Ребята принесли несколько крупных луковиц саранки и целую кучу ревеня. Михалыч о чём-то тихо разговаривал с Кадетом и Жутяйкиным. В голове у меня промелькнула какая-то смутная мысль... и снова исчезла. Засыпал тревожно, думая о судьбе тройки наших товарищей, ушедшей вниз по ущелью. Узнают ли они когда-нибудь, что Андрея Изотова нет в живых?

27 мая 1978 года

Проснувшись, я ощутил оживление около палаток. Выполз. Жутяйкин, Аляев и Новиков стояли с рюкзаками полностью одетые, готовые к выходу. Руководитель давал им последние инструкции.

— Михалыч, разрешите мне пойти вместе с ними, — дернулся, было я, вспомнив вчерашние мысли.

— Вы что! — разозлился Филиппов, — все уйдёте, а кто останется?

— Хорошо, хорошо, остаюсь, никуда не иду, — поспешил я напопятную.

Мы попрощались, и кто-то спросил:

— А где Шуркевич?

Оказалось, что Лёша не вылез из палатки.

— Суперсачок! Дрыхнет! — неожиданно отреагировал Жутяйкин, причём с такой злобой, что я удивился. Ну, уснул человек, надо — так разбуди, чего злиться...

Не ясна была судьба ушедшей низом ущелья первой тройки ребят, и руководитель отправил вторую. Парни карабкались наверх — вчерашняя разведка показала, что там особых препятствий для продвижения вроде бы пока не предвиделось.

— Ну, вот что! — вдруг предлагает Филиппов, — Давайте-ка, согреем воды и вымоемся.

Ничего не хочется делать, но обязательно надо двигаться. Беру топор и начинаю рубить еловый ствол. Рублю долго, ствол у ёлки тонкий, но сил не хватает.

— Давай я... — спешит на помощь Шуркевич.

— Уйди! — почему-то злюсь я, — Я сам!

Лёша грустно отходит.

Михалыч побрился. Точнее, он слегка подбрил щёки, оставив всю остальную тёмную без единого седого волоса щетину на месте. Сейчас он напоминает отощавшего медведя, только что вылезшего из берлоги.

Во всех котелках кипит вода. Убираем их от костра, пусть немного остынут. Невольно радуемся погоде: впервые после трагедии приветливо светит ласковое весеннее солнышко, по небу бегут «барашки».

Смотрю на облака. Где сейчас Мельников, Дерябин и Ульянов? Вспомнил, как в начале похода Мишка показывал мне гитарные аккорды...

Мы тогда долго веселились, а затем я, прочитав Шибаевой начало своих записей в блокноте, услышал:

— Как-то очень сухо у тебя получается.

— Ничего, — ответил я, — потом эти записи помогут мне написать полную летопись похода.

Похода!

Ничего себе, похода!

Когда же нас найдут?! Чего они там чешутся, друзья–спасатели!

Досадую и ругаюсь про себя. Злюсь, и это придаёт мне силы.

И вдруг... Истощенный крик Шуркевича:

— Летит!!! Лети–и–ит!!!

«Что это с ним?» — подумал я с тревогой.

Дело в том, что время от времени всем казалось, что летит вертолёт, и мы долго стояли, задрвав в небо головы. Но каждый раз оказывалось, что это — глюки.

На Лёшу зашикали, он обиделся и заполз в палатку. И тут, не веря своим глазам, мы видим высоко–высоко над ущельем вертолёт, а затем слышим и шум его винта.

— Вертолё–ё–ёт!!! — радостно кричат все.

Я кидаюсь к костру и судорожно заваливаю его лапником.

— Да, хватит, хватит, — останавливает меня Михалыч, когда мощное облако дыма поднялось над нашей террасой. Затем еловые ветки загорелись жарким пламенем.

Вертолёт тем временем делает второй круг над ущельем. Потом улетает, ничего не сбросив. «Неужели они не поняли, что мы здесь?» — раздумываю я. У Филиппова же сомнений на этот счёт нет:

— Вы давайте, собирайте барахлишко, спасатели должны скоро подойти.

Все так и прыгают от радости, одна только Верка Хвоина стоит хмурая.

— Чего ты не радуешься? — спрашивают её.

— А где сейчас Мишка и Серёги? — отвечает Верка.

— Да ладно тебе, Вера, дошли они, наверно, — внушительно говорит ей Оля Черноверская.

— А эти, последние, только наверх выползли и дальше не пойдут, если вертолёт увидели, — отмечает Филиппов.

На терраске явное оживление. Все копошатся, укладывая нехитрые вещички в рюкзаки. Подумав, выбрасываю прохудившиеся резиновые сапоги (зачем мне лишняя тяжесть?).

Аккуратно заворачиваю в шмотки кинокамеру, которая из-за отсутствия плёнки так и не пригодилась, однако уцелела во время всех наших злоключений. Не найдя киноплёнку в Новосибирске, надеялся купить её по дороге. Бесполезно.

Филиппов снимал кинокамерой весь поход, но фильма мы так и не увидели. По словам Михалыча, вся лента после проявки оказалась испорченной.

Вот уже все в сборе. Лишь пустые палатки колышутся под весенним ветерком да котлы валяются у кострища.

Ждём. Солнце тем временем касается стены ущелья. Холодает. Все притихли в ожидании...

Между прочим, в Горно—Алтайске перед выходом Филиппов купил для маленького сына пузатую баночку—двухсотграммовку мёда. Последние три дня миниатюрной ложечкой он нам по граммулке выдавал этот мёд, и сейчас кто-то советует на всякий случай растянуть остатки, но Михалыч уверенно говорит:

— Зачем перестраховываться!

Доедаем оставшиеся миллиграммы мёда. Все возбуждены близким вызволением. Вот уже и темнеет, а спасателей всё нет.

— Вот артисты, вот артисты! — слегка сконфуженно произносит Филиппов, — ну, значит, ждём завтра.

— Может, всё-таки нас не заметили? Смотрели, смотрели, и...? — спрашиваю я.

— Нет! — снова уверенно отвечает Михалыч, — раз лишний круг сделали, значит заметили.

Рюкзаки распаковываются, все несколько подавлены.

— Давай-ка, сегодня я лягу с краю, — предлагает Оля, надевая меховую безрукавку, — по-моему, тебя здорово знобит.

— Какая разница, мы же не в зимнем походе, — возражаю я, нехотя подчиняясь. И в самом деле, чувствую себя не очень...

Сумерки сгустились. Уже в полутьме, выйдя из палатки, где-то невдалеке я слышу звук, похожий на выстрел. А может, это камень сорвался со стены ущелья и упал на осыпь?..

Так и не дождалось мы сегодня спасателей.

Мы уже двадцать первый день в тайге! Что сейчас делается в деканате, в общежитии? А может быть и ничего, всё спокойно...

Конечно, ни о каком спокойствии в НЭТИ не было и речи. Представители ректората, профкома, турклуба, спортклуба, комитета комсомола и других организаций были подняты на ноги в связи с нашим исчезновением.

Не на шутку переволновались те, кто нас провожал на вокзале. В деканаты шли постоянные звонки от родителей. Сам ректор ежедневно связывался с Горно—Алтайской контрольно—спасательной службой по поводу поиска пропавшей туристской группы.

Безо всяких надежд, погружаюсь в сон. Завтра — моё дежурство. Это означает, что нужно будет спуститься к реке, набрать два котла воды, бросить в один из них смородиновый лист, а во второй — крапиву, которая теперь стала нашей постоянной едой. Затем требуется развести костёр и повесить всё это над костром.

Река из-за дождей поднялась и залила каменную ловушку. При этом, маленькая дубинка, которой ребята снизу подпирали глыбу, придавившую Андрея, уплыла, а наполовину залитый водой длинный ствол, которым как рычагом мы помогали сверху, угрюмо покачивало течением вперёд и назад.

Эта картина показалась Верке настолько жуткой, что, увидев её один раз, она больше к реке не приближалась.

28 мая 1978 года

Сквозь сон я слышу чей-то голос безо всякого выражения:

— Вставайте. Всё уже...

Решив спросонья, что это Филиппов будит меня на дежурство, думаю: «И шевелиться неохота, и торопиться некуда, ну, да ладно, сейчас поднимусь».

В это время Света Курбакова быстро—быстро покидает спальный мешок и высовывает голову наружу. Затем, захлёбываясь от радости, кричит:

— Люди!!! Люди!!! Люди!!!

Все моментально выпорхнули из палаток.

У кострища сидят пятеро полубогов. Здоровые, загорелые парни со страховочными поясами, на плече у одного из них — смаркированная верёвка.

— Альпинисты?!

— КСС!

— А у вас поесть что-нибудь будет? — спрашивает Вера.

— Да нет, мы думали вы нас накормите.

«Какие мелочи!» — мелькает в голове — «Главное — нас нашли!»

И тут один из спасателей, видимо старший, подаёт знак, и двое его спутников, подхватив котелки, бегут к реке. Третий достаёт из рюкзака... две булки хлеба (!!!), пачку кофе, банку сгущёнку! Заворожено смотрим и не понимаем: верить своим глазам или нет.

Разводится костёр, в котелках закипает вода. Знакомимся. Старшего зовут Толя, второго — Юра, затем — Женя, имён ещё двух парней я к своему стыду не запомнил. Руководит спасательными работами начальник Горно—Алтайской КСС Станислав Шипунов.

Налив каждому по кружке кофе со сгущёнкой, хлеба выдали по маленькому кусочку:

— Больше вам пока нельзя.

Хлеб кажется горьким и невкусным. А кофе! Никогда в жизни не пил такого замечательного кофе!

— Ну, рассказывайте, что у вас получилось? — спрашивает, наконец, Толя.

Выслушав Михалыча, он с досадой произносит:

— Зачем же вы ещё и вторую тройку послали?! Это, ведь, самое гиблое место района!

— А про первую тройку ничего неизвестно?

— Нет. Ничего.

Тягостное молчание...

Спрашиваю:

— Как вы нас обнаружили? По дыму?

— Нет, дыма со дна ущелья мы не видели, вы слишком глубоко засели, а вот заметили ваши простыни наверху. Сначала думали: летающая тарелка... Позавчера мы кружили над правым берегом Чебдара, вы нас не слышали?

— Нет. А вечером вы стреляли?

— Да. Из ракетницы. Когда мы спускались, немного промазали и находились в километре от вас.

За разговором незаметно проходит более часа. Над костром снова висят котелки. Теперь в одном из них варится суп из тушёнки. Без лапши, без картошки — просто тушёнка в кипятке. Второй котелок — для чая.

Голод к этому времени притупился, и много мы не ели. Одного котла хватило на всех. Снова спасатели нам выдали по маленькому кусочку хлеба...

— А что будем делать... с ним? — спрашивает кто-то, показывая на то место, где лежит мёртвый Андрей Изотов.

— Не беспокойтесь, это уже не ваша забота, — отвечает Толя.

Спустя ещё минут сорок начинаем подъём по стене ущелья вверх. У Лены Шибаровой поверх рюкзака привязаны маральи рога. Из рюкзака Филиппова тоже торчит маралий рог.

Ещё через полчаса упираемся в шероховатый гигантский отвесный скальный выход, обойти который не представляется возможным, так как вокруг слишком серьёзная крутизна. Приходится спускаться назад к террасе — месту нашей последней стоянки. Ущелье не желает нас отпускать.

А может, это Андрей не хочет оставаться один?..

Выйдя на террасу, спускаемся затем к месту его гибели. Ствол, с помощью которого мы приподнимали глыбу, по-прежнему медленно покачивает водой. Хвоина идёт, отвернув голову направо.

Проходим метров шестьсот по гигантским камням у береговой кромки вверх по течению Чебдара. Слева от нас грохочет река, справа уходит ввысь стена Чебдарского ущелья. В одном месте начинаем подъём.

Отвесные участки обходим, а точнее, огибаем. Близость возвращения домой придаёт силы. Мы всё взбираемся и взбираемся вверх. Кое-где на четвереньках. Только через шесть часов такого лазанья склон начинает выполаживаться.

Когда приостановились на очередную передышку, спасатели выдали нам... по маленькой шоколадке!

— Это всё мне?! — поразила Света, получив свою долю. Съесть целую шоколадку — какая неслыханная роскошь!

Ещё через некоторое время у ручейка встали на обед. Мы были почти истощены, но тем не менее, чувствовали прилив сил и полярную смену настроения.

Похлебав супчика из тушёнки с лапшой и напившись ароматного сладкого чая, двинулись дальше. Подъём становится всё положе, козьи тропки — всё заметнее. Ещё две тридцатиминутных ходки, и Верка пьёт из выдавленной копытцем ямки.

— Не пей из копытца, козлёночком станешь! — хором комментируют трое из нас.

Спасатели начинают ориентироваться. Спускались—то они другим путём. Выяснилось, что при подъёме забрали много правее. Извинившись, парни берут верное направление.

И только когда солнце коснулось горизонта, а на дне ущелья наверняка сгустились сумерки, мы наконец добрались до места приземления вертолётки. Верх над ущельем оказывается удивительно ровным, поросшим карликовой берёзкой. Типичная горная тундра. Ручьи отсутствуют, снег небольшими островками покрывает плато.

Кажется непостижимым, что совсем рядом находится злое Чебдарское ущелье — узкая, извилистая и глубокая трещина в земле.

В километре от нас виднеется пригорок с древним триангуляционным пунктом на макушке. На площадке находятся ещё двое спасателей, лежат рюкзаки и ящик с тушёнкой. Вертолёт нас не дождался и теперь должен прилететь завтра.

Там, где мужики расчистили площадку со знаком бедствия вертолёт сесть не мог — большой уклон. Приземлился гораздо дальше и выше.

Мы ставим палатки, а спасатели сооружают себе укрытие из полиэтилена.

— А у меня завтра день рождения! — сообщает Женя Беляев.

29 мая 1978 года

Безмятежным сном проспали часов четырнадцать. И верилось, и не верилось, что наши невзгоды позади. Только вот горечь утраты омрачала наш праздник.

Пробуждение было поздним, ярко светило солнышко. Спасатели подстрелили кедровку, поджарили её и, подложив под крылышко маленькую шоколадку, вручили её имениннику — Жене Беляеву.

Впервые за многие дни мы нормально позавтракали. И тут снова упал такой густой туман, что стало очевидно: вертолёт в такую погоду не прилетит.

Весь день мы занимались тем, что ели сухое молоко, смешивая его с сахаром. Только вечером, не без участия спасателей, Филиппов пресёк это дело, сказав:

— Вдруг погода ещё долго нас задержит, а мы всё съедим!

— Да, ребята, давайте поэкономнее, — поддержал Михалыча спасатель Толя.

Все смутились и прекратили это приятное занятие.

Туман к вечеру ещё более сгустился. Мы попрятались в палатки и крепко уснули.

30 мая 1978 года

Плотный туман основательно заволок всё плато.

— А мы тут, пока вы спали, пожар устроили, — сообщает Толя.

Оказалось, что один из спасателей, увидев кедровку, сидящую на кустиках, выстрелил в неё из ракетницы. Птица улетела, а сухая карликовая берёзка вспыхнула. Ребятам пришлось потратить немало усилий, чтобы погасить начавшийся было пожар.

Мы с Коботовым сидим у крохотного костерка.

— Надоело уже тут ждать, — констатирую я и вижу на лице Ардальоныча полное понимание и солидарность в этом вопросе.

Подходит Ольга Черноверская:

— Ну, что это за костёр?! Вы что, мужики, нормальный костёр развести не можете?

Я пробую отмахнуться, но Ольга наседает, и приходится браться за разведение большого костра.

— Да тут дров-то нету, — ворчит Ардальоныч, ломая тонкую сухую карликовую берёзку.

— Эй, отдайте книгу, вы что, оборзели? — раздаётся из палатки голос Жени Беляева.

— Вставай, вставай, нечего дрыхнуть! — слышится из другой палатки голос Филиппова.

Одеваясь на ходу, народ лениво выбирается из палаток. Да, может это и странно, но сидеть здесь наверху в тумане уже всем изрядно надоело. Однако на вертолёт рассчитывать не приходится — нелётная погода.

Весь день играли в карты, читали, дремали. Филиппов сделал внушение Андрею Ефименко, который 23 мая рванул неизвестно куда.

Вечером погода слегка разведрилась. Приготовившись к очередной ночёвке, решили почаёвничать.

Растяжки палаток подтянуты, коврики и спальники расстелены. Личные вещи разложены по бокам — здесь наверху ночью прохладно. Натянув свитера, ждём, когда заварится засыпанный в котелки чай. Михалыч рассматривает найденный на дне Чебдарского ущелья, аккуратный маралий рог. И вдруг...

— Вертолёт! Ёлки-палки, вертолёт! — вопит Толя.

Все встрепнулись. «Вот шутник!» — думаю, — «А ведь будь погода получше, и поверил бы». Но тут все видят высоко-высоко в небе сквозь дыру в тумане вертолёт. Он так далеко, что даже не слышно шума его винта. Вертолёт влетает в эту дыру, которая тут же затягивается. Толя выхватывает ракетницу, и в воздух взлетают одна за другой подряд три красные ракеты.

С необыкновенной скоростью складываются палатки, упаковываются рюкзаки. Гигантская металлическая птица пролетает всего метрах в десяти над нами в сторону триангуляционного пункта. Чай выливается.

Ефименко собрался быстрее всех. Ещё не были сняты палатки, он крикнул: «Михалыч, рог я взял!» — первым ринулся к вертолёту. Спасатели поторапливают, а мне совершенно непонятно, как вертолёт полетит, ведь та сторона, откуда он прилетел, закрылась плотной стеной тумана.

Винт вращается на малых оборотах, пилот отчаянно машет нам руками: скорей-скорей! Вот уже все собрались внутри вертолёта. Котелки лежат на полу, сверху набросаны наши шмотки.

Кроме пилота и нас, здесь находится пожилой невысокий юркий мужичок — представитель НЭТИ, завхоз «Эрлагола» Анатолий Иванович Котин.

Через несколько минут, оторвавшись от земли, окончательно покидаем пленившее нас Чебдарское ущелье.

Ну, всё! Вот теперь—то активная часть похода для нас точно закончена! Но где же сейчас ещё шестеро наших товарищей?..

Вначале летим назад, огибая стену тумана, а через некоторое время мы видим справа по лёту Чебдар, который резко выделяется на фоне плоскогорья с высоты полёта. Все прильнули к стёклам иллюминаторов. Вскоре показалась более мощная река — Башкауз, и кто-то заметил:

— Как немного не дошёл Андрей до конца похода...

Ещё минут через десять, начинаем снижаться и, наконец, приземляемся на небольшую площадку. Как оказалось, здесь находится посёлок Балыкча, который расположен на левом берегу реки Чулышман, недалеко от Телецкого озера.

Трое парней со всех ног бегут к вертолёту, и прежде, чем успеваем сообразить, кто это, в салон запрыгивают... Мишка Мельников, Сергей Ульянов и Сергей Дерябин уже без бинтов на голове. Происходит радостная потасовка, а пилот тем временем увеличивает обороты винта, и мы снова отрываемся от земли.

К нам подсаживается Мишка и возбуждённо рассказывает о своих похождениях.

23 мая Мельников, Ульянов и Дерябин заночевали на полке скалы, где их и увидел очухавшийся Андрюшка Ефименко. Утром они, убедившись, что никак иначе гигантский прижим не одолеть, стали карабкаться наверх.

Более половины дня ребятам потребовалось, чтобы достичь вершины утёса. Затем спустились с противоположной стороны и внизу заночевали. Но дальше путь им преградил мощный левый приток Чебдара — река Караган. Поднявшись на несколько километров по Карагану, переправились через него и пошли верхами.

Ущелье становилось всё уже и уже. Ещё через некоторое время мужики вышли на плановую тропу одного из маршрутов. Их радости не было предела. Таким образом они добрались до Балыкчи за трое с половиной суток...

— Казалось, такой кайф — поест, а поели... и никакого кайфа! — смеётся Мишка.

Заметно темнеет, вертолёт приземляется в Горно—Алтайском аэропорту. Там уже ждёт старенький автобус с капотом. На нём нас везут в гостиницу «Турист», в подвале которой находится контрольно—спасательная служба.

— Смотри! — говорит мне Лена. Оказывается, при входе в здание гостиницы на нас глядит множество народу. Внимательно и даже заворожено. Эти люди знают, что нас спасли, что кто-то погиб, и, похоже, в их глазах мы кажемся, пришельцами с того света — отощавшие, дочерна загоревшие, небритые.

Располагаемся все вместе на полу обширного холла. Впервые за долгое время моемся под душем. А где-то на маршруте ещё трое наших парней...

По соседству устроились специально прибывшие члены турклуба НЭТИ. Филиппов, как ни в чём не бывало, им рассказывает:

— Ну, в общем, поход получился сложный: и пеший, и горный, и лыжный, и водный...

Поздно вечером для нас был приготовлен большой стол с ужином. Основательно подкрепившись, завалились спать тут же на полу в спальнях мешках. Перед тем, как выключить свет, выступил руководитель похода:

— Ну, значит, завтра с утра каждый из вас должен будет написать объяснительную. Пишите, как всё было на самом деле... Ну, то есть, шёл впереди, поскользнулся и так далее. Или же наоборот... (тут Михалыч помрачнел) — что это я его туда послал... А потом в Новосибирск полетим на самолёте. На самолёте, — подчеркнул он.

31 мая 1978 года

Всё время вертевшийся около нас Котин, вдруг хлопнул себя по карману и спросил:

— Ребята, денег на самолёт немного не хватает... вам же на билеты. Может, есть у кого?..

У некоторых из нас нашлось кой-какое количество денег, и к Котину посыпались пятёрки, тройки, рубли...

Вот мы и снова в Горно—Алтайском аэропорту.

— Если бы я курил, тогда бы заметил, что в буфете есть сигареты «ТУ-134», — сообщает Ульянов.

Взлетает «ЯК-40», воздушные ямы, а-а-х как хорошо! В воздухе находимся недолго: около двух часов. Приземляемся в новосибирском аэропорту «Толмачёво», где нас встречают представители профкома, парткома, комитета комсомола, спортклуба и турклуба.

Один из туристов — руководитель февральского похода под Белуху Сергей Безденежных. Здравуемся, обнимаемся и идём к машинам.

Самый последний отрезок на пути возвращения домой: «Толмачёво» — общежитие № 5 НЭТИ. Когда останавливаемся у родной «пятёрки», при выходе нам вручают ящик апельсинов...

Зайдя в свою комнату № 836, я обнаруживаю, что вся она обклеена плакатами типа: «Ударим туризмом по бездорожью и разгильдяйству» и тому подобными...

— Борька!!! — радостно подскакивает, сидящий за столом с книгой, чёрненький с короткой стрижкой Яшка Тюрин. — Ты ли это!!!

А на календаре — 31 мая...

1 июня 1978 года

В этот первый летний день мы с Мишкой Мельниковым надумали съездить в «Федоровские бани», которые находятся в центре Новосибирска. Идём, ни о чём не думая, совершенно спокойные и умиротворённые. Удивительное чувство, когда в голове вообще нет мыслей.

Садимся в автобус и не сразу понимаем за разговором, что от нас требует какой-то мужчина. Оказывается, это контролёр, который уже начал было возмущаться, что мы совершенно не обращаем на него внимания.

— Вы нас извините, — объясняет Мишка, — нас только три дня как спасли в тайге... Контролёр, удивлённо и внимательно оглядев нас, отходит, не сказав ни слова...

5 июня 1978 года

Филиппов ещё находился где-то в Горно—Алтайске, а участники похода вызваны в кабинет ректора НЭТИ Георгия Павловича Лыщинского.

К этому времени в Новосибирск благополучно вернулась вторая тройка наших товарищей.

Когда 27 мая Аляев, Новиков и Жутяйкин поднимались наверх, то в какой-то момент увидели делавший над нами два круга вертолёт. Со слезами радости они понимали, что это наши спасатели, но спускаться назад на дно ущелья у них уже не было моральных сил. Парни двинулись дальше и добрались до посёлка Балыкча за двое с половиной суток.

По словам Аляева, шли практически на пределе сил, по дороге дважды питались гадюкой: один раз, сварив змею, второй раз, поджарив на костре...

Мы зашли в кабинет ректора и по его предложению расселись за длинным столом. Лыщинский стоял у кресла в своей неизменной потёртой кожаной тужурке. Он отхлебнул глоток чая из стакана в позолоченном подстаканнике, глядя на нас поверх очков. Затем взял со стола какую-то допотопную бензиновую зажигалку и, достав из пачки болгарскую сигарету «Солнце» без фильтра, закурил.

— Так, — сказал он, по-прежнему глядя на нас поверх очков и совершенно спокойно, — первый вопрос: зачем вы послали вторую тройку?

Выслушав объяснения Аляева, ректор спросил:

— Вы из Чемала вышли шестого мая, а почему телеграмму дали, что вышли на маршрут пятого?

Вот это новость! И этот, и многие другие вопросы следовало бы задать руководителю похода. Но отвечать приходилось нам.

Лыщинский задал нам множество вопросов, затем попросил Дерябина нарисовать мелом на чёрной стеклянной матовой доске картину гибели Андрея Изотова и рассказать, как всё произошло. Далее разговор пошёл про наш маршрут, про «Эрлагол», про спасателей и так далее.

Ректор, видимо, тщательно готовился к этой встрече, и поначалу незаметно, постепенно, по ходу разговора всё больше и больше, распалялся. Под конец мы уже не чувствовали под собой кресел и не видели ничего кроме лица Лыщинского. («Гипнотизёр он, наверно!» — скажет потом Верка.)

— Пацаньё!!! — орал ректор, перечисляя все наши промахи и ошибки, и проявляя при этом удивительную осведомлённость. Наконец, сделав паузу, он произнёс страшное ругательство:

— Паршивцы!

Затем Лыщинский строго оглядел всех и, убедившись, что окончательно сравнял нас с землёй, моментально успокоился.

— Ну, хоть не хлюпки оказались. Говорят, вы там в самые тяжёлые минуты вели себя достойно, — вдруг с уважением произнес он...

— Вы свободны, — объявил, наконец, Георгий Павлович.

С чувством величайшего облегчения мы встали и направились к двери кабинета, но выйти не смогли — дверь оказалась заперта. С недоумением поглядели на ректора. Тот усмехнулся и сказал:

— И тут вы попали в ловушку.

Затем достал из кармана своей потёртой тужурки... ключ от кабинета.

Вышли с чувством, которое, наверное, испытывает осуждённый, когда ему говорят: «На этот раз вы помилованы!»

— Значит, теперь у НЭТИ не будет своей МКК?

— Да, маршрутно-квалификационной комиссии не будет!

— Хорошо ещё, что «Эрлагол» не закроют...

— А где Михалыч?

— Наверно, ещё в КСС, в Горно—Алтайске.

— Он успеет ко дню рождения Андрея?

— ??

— Сколько ему исполнилось бы?

— Двадцать два!

— Все приходите, обязательно! Это через полторы недели.

Эпилог

11 июля 1980 года.

Четыре человека покинули Новосибирск, отправляясь в поход для установки обелиска: Света Курбакова, Юра Князев, Сергей Буряков и я — руководитель этой группы.

Мраморный обелиск размером 350 x 550 x 50 весил тридцать девять килограммов. Его мы с Шибаевой заказали в конторе ритуальных услуг, что на улице Семьи Шамшиных. Необходимый эскиз нарисовала Лена, а надпись обдумывали сообща.

ИЗОТОВ

Андрей Игоревич

Студент НЭТИ

1956–1978

Другие придут, сменив уют

На риск и непомерный труд,

Пройдут тобой

не пройденный маршрут.

Удивительно точно здесь подошли слова из песни Владимира Высоцкого, который по неведомому стечению обстоятельств скончался 25 июля, ровно через неделю после этого похода.

Памятник стоил около ста рублей. Профком НЭТИ деньги выделить отказался, поэтому их собирали друзья Андрея. Они же предоставили нам фотографию Андрея Изотова для обелиска.

В Горно—Алтайске неожиданно встретили Филиппова, который, как выяснилось, организовал вместе с семьёй детский поход по горам. Поздоровались, а затем Филиппов изобразил на лице явное неудовольствие нашим предприятием. Впрочем, от комментариев он воздержался.

Михалыч судим не был — мать Изотова решила, что Андрей выбрал судьбу сам.

По спортивной линии Филиппова дисквалифицировали до первого разряда и на два года запретили руководство сложными походами. Но он всё-таки как-то выкрутился и повёл зимой лыжную «пятёрку», организовав «Курсы руководителей походов высшей категории сложности». Когда Михалыч вернулся из этого похода, все увидели, что его борода и усы покрылись густой сединой...

Смерть Филиппова в июне 1983 года, похоже, осталась загадкой для всех...

Андрей Изотов был похоронен у себя на родине, в Алма—Ата. Его тело поднимала группа спасателей из турклуба НЭТИ. По стене ущелья они карабкались двое суток, подтягивая труп на верёвках сверху и подталкивая руками снизу.

Обелиск Андрею мы установили наверху Чебдарского ущелья. Спуститься вниз не удалось из-за плотной стены тумана. Сфотографировались, поставив фотоаппарат на камень и нажав кнопку автоспуска.

Интересно, что до этого встретившиеся нам алтайские пастухи категорически не советовали спускаться вниз:

— Чавдар — совсем плохой человек, даже охотники там не бывают. Кто случайно попадает, там и остаётся...

Я снова вёл в походе достаточно подробный дневник, но это, как говорится, отдельная история.

Постфактум.

Письмо от читателя

Публикуется по разрешению автора, с незначительными сокращениями.

Здравствуйтесь Борис!

Меня не было в городе, а вчера я, не отрываясь, прочел эту документальную повесть, об близких мне людях и хорошо известных событиях тех далеких лет.

Начнем с известного мне состава: на сегодня погиб Мельников — в автокатастрофе, Жутяйкин — эмигрировал в Канаду, уехал в Красноярск к молодой жене С. Ульянов, вновь вернулся в начальники уже ПСС Слава Шипунов, товарищ Сухов водит плоты по Катунь в «Турэмпексе».

С этими людьми меня связывали и связывают близкие дружественные узы, а с Филипповым еще лыжно—горная пятерка на Алтае, когда группа чудом избежала холодной ночевки на перевале Зелинского и убежала от лавины с перевала Верхне—Шавлинского, позже был между нами серьезный конфликт за право туристов НЭТИ самостоятельно ходить в походы.

По сути гибель в ловушке — это нелепость, стечение обстоятельств, немного неопытность, больше усталость, голодание, нервозность, невнимательность и недооценка опасности хождения по живому куруму — это следствие срыва контрольных сроков. В принципе все, что было вокруг этого, до и после. Есть еще одна официальная часть этой истории это разбор н. с. в группе туристов НЭТИ и письмо Горно—Алтайской ПСС, скверное по содержанию письмо, продукт того времени, хотя не все уж так соответствовало действительности.

Конечно в походах и Мельников и Жутяйкин и Ульянов довольно часто возвращались к этой истории. И я все знаю в деталях, и вот новая книга. Написана хорошо, достаточно простым языком, тщательно обойдены острые углы, особенно отношения с Филипповым.

В принципе за не возврат из Чебдара, после ошибки, нес ответственность только он, да и за то, что не знал что такое каньон Чебдара — тоже он, да и за то, что был самым старшим и должен быть самым разумным. Я сознательно упускаю момент летального исхода — это следствие, тут, в принципе он виноват только в том, что вы все туда попали. А природа построила классическую ловушку, причем даже без небольшой выемки для возможности выжить. Даже если бы такая выемка и была, и он мог бы дышать, то во время подъема плиты все равно произошла бы катастрофа и на этот раз уже с конкретными виновниками. Вот такие печальные мысли. Даже к плановому походу по тропам снежной весной с 11 перевалами нужно готовиться, а главное быть внимательными и не терять ее. Тропа, когда она даже засыпана, имеет в местах смены направления затесы, об этом знают все. Иначе ее просто не найти. И затесы нужно было искать.

Гибель Филиппова — это тоже для меня загадка, но я, в отличие от Вас, не исключаю самоубийство. У него, так же как и у Вадима Кузнецова (один из первых директоров НКТ), поехала «крыша», это отчетливо проявлялось в общении, и в момент прозрения вполне мог наступить трагический исход. В любом случае это не насильственный вариант ухода из жизни, повторяю на мой взгляд.

Когда–нибудь я то же закончу рукопись о своем видении этих аварий, к сожалению цепь никогда не разорвется, так уж устроена жизнь и в связи с этим прошу разрешить использовать Ваши воспоминания наряду с полученными от перечисленных выше друзей. У меня в лекциях по безопасности всё суше и жестче — это в основном протоколы, разборы, явно не хватает эмоций, а у Вас наоборот. Впрочем, эта авария вряд ли заняла бы больше одного листа в большом томе, но благодаря Вашей публикации, можно будет гораздо больше внимания обратить на сопутствующие факторы, психологический настрой, молодость группы в свете профессиональной подготовки будущих гидов–проводников. Надо не забывать, что этот поход как раз и был предназначен для подготовки кадров для работы в «Эрлаголе»...

В целом это полезно знать всем, это нужно живым и горячим головам собирающимся в новые походы.

*С уважением,
Валерий Говор.
Начальник Новосибирского ПСО,
Заслуженный мастер спорта России.*

Продолжение

PS. Автор приглашает прочитавших Летопись посмотреть приложения:

О последующих событиях - <http://www.proza.ru/2002/09/20-80>

Фотографии - <http://www.bskvortsov.narod.ru/photoalbum.html>

Документы - <http://www.proza.ru/2006/09/21-188>

<http://www.proza.ru/2016/01/14/1153>

Авторская справка - <http://www.bskvortsov.narod.ru/simple.html>

И, наконец, «Возвращаясь к трагедии на Чебдаре» — <http://www.proza.ru/2002/08/29-99>